

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра истории России

ЛАТЫШЕВ Кирилл Алексеевич

**ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И
СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН (1920-е–1930-е годы).**

Магистерская диссертация

Специальность 1-21 80 15 Всеобщая история

Научный руководитель
Вячеслав Иванович Меньковский
доктор исторических наук,
профессор

Допущена к защите

«__» _____ 201__ г.

Заведующий кафедрой истории России,

_____ О.А. Яновский

Кандидат исторических наук, профессор

Минск, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	3
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	4
АГУЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАЦЫ.....	5
GENERAL DESCRIPTION OF THESIS	6
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	10
1.1 Историография	10
1.2.Источники	20
1.3 Методы исследования.....	21
ГЛАВА 2. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (1917-1929 ГГ.)	23
2.1 Становление советской антирелигиозной политики (1917-1923 гг.)	24
2.1.1 Формирование законодательного базиса	28
2.1.2 Компании антирелигиозной направленности	32
2.1.3 Взаимоотношения советского государства и старообрядческих общин на раннем этапе становления политики в области религии.	38
2.2 «Религиозный НЭП» в СССР (1923-1929 гг.)	41
2.2.1. «Религиозный НЭП» и старообрядческие общины.....	45
ГЛАВА 3. УЖЕСТОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ (1929 – КОНЕЦ 1930-Х ГГ.).....	49
3.1 Законодательный аспект ужесточения антирелигиозной деятельности советского государства.....	50
3.2 Особенности антирелигиозной политики советского государства в области религии в адрес последователей православия	55
3.3 Влияние ужесточения антирелигиозной политики на положения старообрядческих общин.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	66

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

МК РКП(б) – Московский комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

НКП – Народный комиссариат просвещения

НЭП – Новая экономическая политика

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСФСР – Российская Советская федеративная социалистическая республика

СВБ – Союз воинствующих безбожников

СНК – Совет народных комиссаров

СРКД – Совет рабочих и крестьянских депутатов

ЦК – Центральный комитет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема: Эволюция отношений советского государства и старообрядческих общин (1920-е–1930-е годы).

Ключевые слова: старообрядцы, старообрядческая община, антирелигиозная политика, религиозный нэп, политика в области религии.

Актуальность темы исследования. Советская политика в области религии в адрес старообрядческих общин в 1920-е.–1930-е гг. исследована весьма поверхностно. На территории Республики Беларусь по данному направлению опубликованы только статьи. Отсутствуют работы, содержащие в себе характеристику политики советского государства в адрес старообрядческих общин на территории всего советского союза. Сопоставление и анализ данных опубликованных историками стран СНГ в рамках краевых исследований позволит получить новую информацию об особенностях советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х гг.

Цель диссертационного исследования. Характеристика советской политики в области религии в адрес старообрядческих общин в 1920-е – 1930-е гг.

Объект исследования. Советская политика в области религии в 1920-е – 1930-е гг. **Предмет исследования** – положение старообрядческих общин в СССР в 1920-е – 1930-е гг.

Основные положения, выносимые на защиту. В советской антирелигиозной политике в 1920-е–1930-е гг. выделяют 2 этапа. Первый этап разделяют на 2 периода. В первом наблюдается становление законодательной базы взаимоотношений государства и церкви. Первые контакты советского государства и старообрядческих общин не имеют негативных черт. Второй период («Религиозный НЭП») характерен ослаблением антирелигиозного давления, систематизацией антирелигиозной пропаганды. Наблюдаются увеличения взаимодействий старообрядческих общин и государства, носящие мирный характер. Второй этап (1929-1930-е гг.) отличен значительным ужесточением антирелигиозной политики, как на законодательном уровне, так и относительно форм и методов работы. В адрес старообрядцев применяется весь законодательный репрессивный аппарат, разница в положении с последователями иных религий нивелируется.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из общей характеристики работы, введения, трёх глав, заключения, списка используемых источников и источников. Объём магистерской диссертации 74 страницы, из них 8 страниц – список источников и литературы (106 пунктов).

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ПРАЦЫ

Тэма: Эвалюцыя адносін савецкай дзяржавы і стараверскіх абшчын (1920-я – 1930-я гады).

Ключавыя словы: стараверы, стараверская абшчына, антырэлігійная палітыка, рэлігійны нэп, палітыка ў галіне рэлігіі.

Актуальнасць тэмы даследавання. Савецкая палітыка ў галіне рэлігіі ў адрас стараверскіх абшчын у 1920-я.-1930-я. гг. даследавана вельмі павярхоўна. На тэрыторыі Рэспублікі Беларусь па гэтым напрамку апублікаваныя толькі артыкулы. Адсутнічаюць працы, якія змяшчаюць у сабе характарыстыку палітыкі савецкай дзяржавы на адрас стараверскіх абшчын на тэрыторыі ўсяго савецкага саюза. Супастаўленне і аналіз дадзеных, апублікаваных гісторыкамі краін СНД у рамках краявых даследаванняў дазволіць атрымаць новую інфармацыю пра асаблівасці савецкай антырэлігійнай палітыкі 1920-х-1930-х гг.

Мэта дысертацыйнага даследавання. Характарыстыка савецкай палітыкі ў галіне рэлігіі ў адрас стараверскіх абшчын у 1920-я - 1930-я гг.

Аб'ект даследавання. Савецкая палітыка ў галіне рэлігіі ў 1920-я - 1930-я гг. **Прадмет даследавання** - становішча стараверскіх абшчын у СССР у 1920-я - 1930-я гг.

Асноўныя палажэнні, якія выносяцца на абарону. У савецкай антырэлігійнай палітыцы ў 1920-я-1930-я гг. вылучаюць 2 этапы. Першы этап падзяляюць на 2 перыяду. У першым назіраецца станаўленне заканадаўчай базы ўзаемаадносін дзяржавы і царквы. Першыя кантакты савецкай дзяржавы і стараверскіх абшчын не маюць негатыўных рыс. Другі перыяд («Рэлігійны НЭП») характэрны паслабленнем антырэлігійнага ціску, сістэматызацыяй антырэлігійнай прапаганды. Назіраюцца павелічэння ўзаемадзеянняў стараверскіх абшчын і дзяржавы, якія носяць мірны характар. На другім этапе (1929-1930-я гг.) назіраюцца павелічэнні жорсткасці антырэлігійнай палітыкі, як на заканадаўчым узроўні, так і адносна формаў і метадаў работы. У адрас старавераў ўжываецца ўвесь заканадаўчы рэпрэсіўны апарат, розніца ў становішчы з паслядоўнікамі іншых рэлігій нівеліруецца.

Структура і аб'ём дысертацыі. Дысертацыя складаецца з агульнай характарыстыкі працы, увядзення, трох глаў, заключэння заключэння, спісу выкарыстаных крыніц і крыніц. Аб'ём магістарскай дысертацыі 74 старонкі, з іх 8 старонак - спіс крыніц і літаратуры (106 пунктаў).

GENERAL DESCRIPTION OF THESIS

Theme: Evolution of relationship between the Soviet state and the Old Believer communities (1920s-1930s).

Keywords: OLD BELIEVERS, OLD BELIEVER COMMUNITY, ANTI-RELIGIOUS POLICY, RELIGIOUS NEP, POLICY IN THE FIELD OF RELIGION.

Relevance. The Soviet religion policy towards the Old Believer communities in the 1920s and 1930s. years is studied very superficially. At the territory of the Republic of Belarus only articles are published in this field. There are no publications that contain a characteristic of the policy of the Soviet state towards the Old Believers' communities at the territory of the entire Soviet Union. Comparison and analysis of the data published by historians of the CIS countries within the framework of regional studies will provide new information about the peculiarities of the Soviet anti-religious policy of the 1920s-1930s.

The purpose of the thesis. Characteristics of the Soviet policy in the field of religion towards the Old Believer communities in the 1920s-1930s.

The object of study is Soviet policy in the field of religion in the 1920s-1930s. **The subject of the study** is the situation of Old Believer communities in the USSR in the 1920s-1930s.

The main provisions to be defended. There are 2 stages in the Soviet anti-religious policy in the 1920s-1930s. The first stage is divided into 2 periods. The formation of the legislative basis for the relations between the state and the church is observed in the first one. The first contacts of the Soviet state and the Old Believer communities have no negative features. The second period ("Religious NEP") is characterized by the weakening of anti-religious pressure, the systematization of anti-religious propaganda. There are increasing interactions between Old Believer communities and states that are peaceful. The second stage (1929-1930-ies.) is distinguished by a significant tightening of anti-religious policies, both at the legislative level, and with respect to forms and methods of work. The whole of the legislative repressive apparatus is applied to the Old Believers, the difference in position with the followers of other religions is leveled.

Structure and scope of the dissertation. The thesis consists of the general characteristics of the work, introduction, three chapters, conclusion, the list of used sources and literature. The volume of the master's thesis - 74 pages, of which 8 pages - a list of sources and literature (106 titles).

ВВЕДЕНИЕ

Исследования взаимоотношений государства и церкви на данный момент являются актуальными для всего постсоветского пространства. Во время существования СССР государственная идеология оказывала серьёзное влияние на направления и трактовку исследований взаимоотношений государства и религии. На современном этапе исследования данного направления имеют большое значение т.к. способствуют более чёткому и всестороннему изучению истории государств, входивших в состав СССР.

При исследовании антирелигиозной политики осуществляемой в 1920-е и 1930-е гг. исследователями могут быть выделены различные особенности, связанные с политической, экономической и социальной ситуацией в стране. Для максимальной эффективности и получения наиболее точных результатов исследования антирелигиозной политики необходимо осуществлять комплексно, с учётом особенностей её проведения в адрес различных конфессий, религиозных организаций и течений. Если антирелигиозная политика советского государства в адрес крупных религиозных объединений изучена достаточно подробно, то особенности проведения данной политики в отношении малых религиозных групп, в частности старообрядческих общин, на данный момент не столь обстоятельны и системы. Чаще всего они представлены исследованиями положения старообрядцев отдельных регионов. В определении характерных черт и обобщении итогов антирелигиозной политики в адрес старообрядческих общин заключается актуальность данного исследования.

Также актуальность данной работы связана с увеличением общей значимости церкви в общественно-политической жизни общества, что хорошо прослеживается, в том числе и через исследовательскую деятельность различных институтов (к примеру, Институт теологии Кирилла и Мефодия БГУ, Минская духовная академия и др.), а так же в поведении многочисленных научных конференций посвящённых истории религии. Мы наблюдаем серьёзную заинтересованность религиозных организаций в результатах исторических исследований религиозных вопросов (в качестве примера можно назвать подписание программы сотрудничества между учреждением образования «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина» и Туровской епархией Белорусской Православной Церкви на 2016-2020 гг.).

В постсоветских исторических исследованиях вопрос положения церкви в 1920-е–1930-е гг. изучается достаточно подробно, в том числе и белорусскими исследователями. Значительно реже объектом исследования становится

положение старообрядческих общин. Современными белорусскими исследователями опубликовано только 2 крупных исследования посвящённых истории старообрядцев. Это «Старообрядчество на белорусских землях» А.А. Горбацкого и совместная монография «Старообрядчество в Беларуси» Т.П. Короткой, Е.С. Прокошиной, А.А. Чудниковой. Однако в данных работах рассматриваются более ранние этапы истории старообрядчества. Исследования истории старообрядчества 1920-е–1930-е гг. в белорусской исторической науке представлены исключительно отдельными статьями.

Определение хронологических рамок исследования (1920-е – 1930-е гг.) обусловлено тем, что в данный период проходил процесс становления и развитие советской политики в области религии. Тяжело выделить конкретную дату начала советской антирелигиозной политики. Нижней границей можно считать 8 ноября 1917 г., когда был принят «декрет о земле» содержащий антирелигиозные положения, кроме того началом можно считать принятие конституции 1918 г. когда монахи и духовные служители были лишены избирательного права, что было закреплено в конституции. Так же можно выделять советскую антирелигиозную политику с момента создания СССР (30 декабря 1922 г.). Таким образом, сформулировать точную дату начала антирелигиозной политики не представляется возможным и за нижнюю границу взято начало 1920-х гг. Верхняя граница определена как «конец 1930-х гг.» т.к. в 2 ноября 1939 года к территории СССР была присоединена западная Беларусь, что означало вступление СССР во вторую мировую войну и начала нового этапа советской политика в области религии.

Старообрядческие общины располагались в различных частях Советского Союза, что даёт возможность сравнивать и анализировать особенности политики, проводимой в адрес религии на различных территориальных единицах, в частности есть возможность соотносить проведение политики на территории Беларуси (являющейся пограничной территорией) с особенностями политики центральной России и Сибири, что позволяет определять влияние политического, экономического факторов на проведение антирелигиозной политики.

Предметом данного исследования является советская политика в области религии в 1920-е – 1930-е гг.

Объект исследования – положение старообрядческих общин в СССР в 1920-е – 1930-е гг.

Целью данной работы является характеристика советской политики в области религии в адрес старообрядческих общин в 1920-е – 1930-е гг.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать исторические исследования советской политики в области религии 1920-1930 - х гг.

2. Выделить этапы советской антирелигиозной политики, выявить их характерные черты.

3. Сравнить проведение антирелигиозной политики в адрес последователей православия и старообрядческих общин.

4. Определить влияние антирелигиозной политики на положение старообрядческих общин в рамках выделенных этапов.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

1.1 Историография

Политика советского государства в области религии вызывает длительный интерес учёных-историков с момента своего появления. Отдельное внимание привлекает период 1920-х – 1930-х гг. Именно в этот период происходит становление и важнейшее развитие антирелигиозной политики. На примере изменений политики в области религии на данном этапе мы имеем возможность отследить крупные события в политической и общественной жизни Советского Союза, их влияние на политику партии. Международные политические события так же достаточно серьёзно отражаются в особенностях проведения антирелигиозной политики на определённой территории и в адрес определённых конфессий.

Исследования государственно-церковных отношений проводились в СССР с момента его становления. Значительное влияние на проведение исследования, определение результатов и применение их в дальнейшей исторической деятельности оказывала атеистическая доктрина государства. Советские исследователи длительное время были ограничены в направлении своих исследований. Церковная историческая наука советского периода испытывала серьёзные притеснения со стороны государственных органов. В первую очередь они заключались в серьёзных ограничениях в публикации работ.

В целом, все исследования отношений советского государства и религиозных объединений 1920-х – 1930-х гг. можно разделить на 2 крупных направления: церковное и светское.

Первый этап исторических исследований данного этапа осуществлялся непосредственно в советской науке 1920-1930-х гг. Исследователи рассматривали церковный вопрос исключительно с точки зрения классовый политики, опираясь на нормы и догмы воинствующего атеизма. Совершенно ясно, что при таком подходе определение деятельности Русской Православной Церкви, а также других религиозных организаций, выявление их значимости в государственной истории и культуре в данный период могло осуществляться априори в негативном ключе. В качестве значимых работ данного периода можно выделить работы В.Д. Бонч-Бруевича[8], А.В. Луначарского [59], , Н.Н. Фиолетова [91] и др. Отличительной чертой их исследований являлась попытка научного обоснования антирелигиозной политики советского государства. Отдельно необходимо выделить деятельность Емельяна Михайловича Ярославского – председателя союза безбожников, который в 1920—1930-х гг.

был один из главных руководителей антирелигиозной политики советского государства. Будучи, в том числе и создателем журналов «безбожник», «безбожник у станка» и др. он являлся автором значительного количества материалов антирелигиозной направленности – «Как вести антирелигиозную пропаганду» [105], «Против религии и церкви, сочинение в 6 томах» [106] и др.

Особую роль в исторические исследования того времени внесли работы авторов-обновленцев – А.И. Введенского (митрополит, один из лидеров обновленческого движения в Православной Российской Церкви в 1922—1946 гг.), в частности работа Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918-1922 г.) [14] и профессора Б. В. Титлинова [89]. Они активно агитировали за участие церкви в революционном движении.

В период с начала 30-х – 1939 г. по религиозному вопросу активно писали советские эмигранты. Среди важных представителей исследователей-эмигрантов можно назвать: как С. В. Трубецкого, С. В. Троицкого, А. Краснов-Левитина, профессора-протоиерея М. Чельцова, В.В. Зеньковского. В их трудах оценка советско-религиозных отношений показана с позиции трагедии церкви. Данные труды никогда не были опубликованы в СССР.

Отдельным аспектом является историография советско-церковных отношений во второй половине 40-х гг. – первой половине 50-х. Данный период подробно изучен в диссертации А. Б. Елисеева «Российская историография взаимоотношений советского государства и Русской Православной Церкви в 1943–1953 гг.» [27], в которой автор выделил следующие характерные черты историографических исследований: История Русской православной церкви (в данный период) в СССР определялась через концепцию «приспособления» РПЦ к нормам и правилам социалистического государства. Данный подход характеризовался, как единственный верный способ для церкви сохраниться как институт. Важнейшие события церковной жизни, начиная от избрания патриарха в 1943 г., объяснялись исключительно внутри-церковными процессами, к которым государство не имело никакого отношения. Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы войны получила положительную оценку светской историографии СССР

В данный период церковная историография не имела значительной научной базы и реализовывалась лишь в церковных учебных заведениях, а так же имела возможность публикации лишь в одном печатном издании – «Журнале Московской Патриархии». С 1943 по 1953 год в церковных изданиях отдельно отмечается личный вклад Сталина в светские и религиозные события. Церковная историческая литература в СССР показывала исключительно идиллическую картину взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви в период с 1943 по 1953 гг.

Для зарубежной историографии истории периода 1943-1953 гг. характерен критический подход к анализу государственно–церковных отношений в 1943-1953 гг. Был введён термин «советская церковь» Яркие представители данной позиции – И.А. Ильин [31], И.М. Андреевский [2] и др.

Некоторые исследователи-эмигранты (протоиерей Дмитрий Константинов [39], Н.А. Струве [87] и др.) отмечали сложность и неоднозначность ситуации, в которую попала РПЦ после 1943 года. Они подчёркивали жертвенность руководства церкви, однако не отрицали её скомпрометированность сотрудничеством с государством.

В советской историографии истории с середины 1950-х гг. до конца 1970-х гг. выделяется новый этап исторических исследований 1920-1930-х гг. В нём можно выделить 2 течения:

Первое течение продолжает осуществлять сформировавшуюся в 1920–1930-е гг. традицию показывать в своих исследованиях развитие научного атеизма, а так же достижений антирелигиозной деятельности. Второе направление уделяло дополнительное внимание юридическим проблемам, связанным с изучением эволюции советского законодательства в отношении регулирования проблемы религии. Для работ этого периода характерной чертой можно назвать стремление показать полное господство атеизма в советском обществе. Исследования гонений на церковь были запрещены. Активно воспеваемый в исследованиях 1920-1930х гг. «террор» в сторону религии, перестал упоминаться в исследовательских работах. Отдельно показывалось значение участия государства в победе над религиозными пережитками.

В этот период вопрос о гонениях на церковь активно рассматривался эмигрантами и зарубежными историками в частности Грабе, Г. «Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом» [20], Польский М. «Новые мученики Российские»[71], Регельсон, Л. «Трагедия Русской Церкви 1917–1945»[79], Левитин, А. «Очерки по истории русской церковной смуты» [56] и др.

В 1970-1980 Государство активно начинает показывать юридическую «свободу» религиозных организаций в СССР. Для этого в исследовательскую деятельность активно привлекают юристов. В исследованиях В. А. Куроедова, «Религия и Закон»[50], «"Религия и церковь в Советском государстве"»[51], А. И. Барменкова, «Свобода совести в СССР» [4] и др. весьма подробно охарактеризовано развитие советского законодательства в отношении религии. В работах данных исследователей проводятся многочисленные сравнения с законодательством зарубежных стран в области религии.

Также, в данный период можно выделить ряд исследовательских работ, со специфической целью – опровержением иностранных «фальсификаторских работ» и разоблачению «клеветников на советскую действительность». К

данному направлению относятся исследования А.В. Белова, «Религия в СССР и буржуазные фальсификаторы» [6], И. Э. Лисавцева «Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР» [58], В.В. Коники «Свобода совести и ее лжезащитники» [38].

В 1970 году в Мюнхине издана фундаментальная работа С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» [28]. В ней всесторонне был описан раскол русской церкви, а так же широко охарактеризовано становление и дальнейшее развитие русского старообрядчества. Важно отметить, не смотря на определённую идеологическую цель данных исследований в них содержится достаточно разнообразный, зачастую уникальный исторический материал.

Отдельно, в советской историографии находится период перестройки. Впервые в трудах В. А. Алексеева[1], М. И. Одинцова[68] и др. а а так же иных исследователей, которые впервые смогли получить свободный доступ к рассекреченным документам высших органов государственного управления, а конкретно: ЦК КПСС, Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религий, появляется кардинально иной подход, противоположный доминирующему на предыдущих этапах при исследовании советской антирелигиозной политики.

В этот период появляются новые данные, в частности о жёсткости политики, репрессиях в адрес священников. Вышеназванными исследователями так же был осуществлён более полный анализ законодательной базы, что значительно повышало объективность советской политики в области религии.

В современной (постсоветской) историографии истории вопроса нами было выделено 3 уровня.

Уровень первый, содержит обзор работ изучающих политику советского государства области религии в довоенный период. На основе изучения работ этого уровня были сформированы хронологические рамки магистерской диссертации.

В религиозной политики советского государства многие исследователи выделяют 2 периода. Первый 1917-1927. Началом считается октябрьская революция, изменение государственной политики в области церкви. Этот период характерен формированием законодательной основы религиозной политики советского государства. Окончанием периода считается Публикация Декларация митрополита Сергия (Страгородского), что означало окончательную лояльность церкви руководству государства. Данному периоду посвящено большое количество работ, в частности Т. Н. Коголь «Русская Православная Церковь и государство 1917-1927 гг.: На материалах Зап. Сибири» [35], О.Ю Васильева «Русская Православная Церковь. 1917 — 1927 гг» [13], М.А. Дроздова «Советское государство и церковь в 1917-1927 гг»

[26], И.И. Янушевича «Характер и причины форсированного решения «церковного вопроса» партийно-государственными структурами в 1917 – 1924 гг.»[102] и др.

Некоторые исследователи увеличивают хронологические рамки до 1929 года. Обоснованием такой даты является окончание НЭПа: среди таких исследователей можно выделить С.В. Михайлова «Государство и церковь : Отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918 – 1929», А.Д. Лебедева «Политка советской власти в отношении римско-католической церкви в БССР (1919-1929 гг.)»[] Д.С. Разумова «Антицерковная политика Советской власти, 1921-1929 гг. : По материалам Верх. Поволжья»[78], А.В Шкурина «Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к русской православной церкви в 1922 - 1929 гг.» и др.

Второй период - начинается с 1929 года и связан в первую очередь с объявлением 1929 года «великого перелома» Сталиным, окончанием НЭПа и принятием 8 апреля 1929 года постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Так же в Июне 1929 года союз безбожников был переименован в «Союз воинствующих безбожников». Следует учитывать, что законодательно после 1930 года была упразднена комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР. Полномочия на разрушения храмов оказались у власти «на местах», что вызывало значительную активизацию политики уничтожения церквей, т.к. больше не было необходимости получения разрешения из центра. Данное увеличение было негативно принято многими верующими и создавало опасные моменты социального напряжения, что позволяет считать данное постановление одной из переходных точек в ужесточении антирелигиозной политики.

В определении окончания данного периода историки не едины. Можно выделить одну основную дату – 1939 год, связано это с началом Второй Мировой война. Чаще всего используется формулировка «конец 1930х гг.». Второй период антирелигиозной политики в большинстве случаев изучается параллельно с первым, для получения более точного и целостного представления о советской довоенной антирелигиозной политики. В качестве примера можно привести исследования И.А. Крывелева «Русская православная церковь в первой четверти XX века»[47] Козлова, Ф. Н. «Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг. : по материалам Чувашии» [36], Ю.Н. Макарова «Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР : окт. 1917-го – конец 1930-х гг.» [60] , А.В. Паламарчук «Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири : 1920 –

1930-е гг.», И.И. Янушевича «Информационно-пропагандистское сопровождение антирелигиозной работы в советском государстве в 1919 – 1941 гг.» [98], М. И. Одинцова «Государство и церковь в России. XX век» [68] Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х-30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы) [34], М. Ю. Крапивина, А.Г. Далгатова, Ю. Н. Макарова «Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930 гг.)» [46], Худобородов, А. Л., Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) [93], Бунина, А.Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х гг [9], Лебедева, В.Д. Антирелигиозная политика государства в 1917 - конце 1930-х гг. (на примере Пензенского края) [54] и др.

Отдельный интерес представляет церковное исследование митрополита Иоанна (Снычев). «Церковные расколы в русской церкви 20-х и 30-х гг. XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история» [32]

Уровень второй. Работы, посвящённые особенностям антирелигиозной политики на территории Беларуси

Одной из первых среди белорусских исследователей, кто в начале 90-х гг. XX в. предпринял шаги к изучению политики советской власти по отношению к христианским конфессиям в БССР, была Т.С. Протька. В своих исследовательских работах основное внимание она направляла на рассмотрение политики властей по отношению к Православной церкви. После становления советской антирелигиозной политики православная церковь утратила экономическую самостоятельность, а уже в 1929 г. она практически перестала существовать как общественно - политическая организация. В исследованиях Т. С. Протька частично рассматривалась также и политика советской власти в адрес католиков в БССР. Были выявлены определённые сходства в действиях советской власти, адресованных католическим священникам [76, 77].

В одной из составных частей данного сборника проводится анализ политики советского руководства по отношению к православным, протестантам и католикам в период 1920-1930-х гг. [63, с. 155-179]. Автором является В.И. Новицкий. Он подробно рассматривал основные действия советской власти. В своём исследовании он пришёл к выводу, что политика изъятия церковных ценностей служила двум целям: 1) уничтожение экономического положения православной церкви; 2) прямое увеличение обеспеченности ценностями советской власти. Вопрос о дискредитации православной церкви

(как основная проблема, поставленная при осуществлении вскрытия святых мощей) перед политикой изъятия церковных ценностей не ставилась. Деятельность Союза воинствующих безбожников была не эффективна на территории Беларуси, Итогом антирелигиозной политики государственных органов, по его мнению, стало насильственное закрытие всех церквей и молитвенных домов на территории БССР в конце 30-х гг. XX в. [62, с. 176]. В пятом томе шеститомника «Гісторыя Беларусі» содержится характеристика конфессиональной политики 1920-1930-х гг. Автором данных подразделов является В.И. Новицкий [63, с. 155-179].

Политика советских властей по отношению к Православной церкви в БССР подробно изучал И. И. Янушевича. Историк определяет два основных направления а советской антирелигиозной политики 1917–1927-е гг.: идеологическое, экономическое вмешательство во внутри церковные дела [99, с. 14]. И.И. Янушевич считает, что именно РПЦ была «главным политическим противником» советских властей [103, с. 292].

Он приводит достоверные факты о существующих в советской политике в области религии недостатках. Среди них автор выделяет не системный характер проведения антирелигиозной политики, значительную связь с внутривластной обстановкой в республике и стране в целом. И.И. Янушевич считает неэффективной политику властей о прорыве церковного финансирования, указывая на то, что приходы продолжали свою деятельность на территории БССР. Отдельно, он определяет развитие обновленческого движения как целенаправленной деятельности советского руководства и в частности ОГПУ, направленной на развал РПЦ. Кардинальное изменение государственной политики в отношении всех религиозных организаций на территории СССР он связывает с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. « О религиозных объединениях», жестко регламентирующем их деятельность [99, с. 17]. Отдельно И.И. Янушевич рассматривал особенности антирелигиозной пропаганды накануне «Года великого перелома», чему посвящена одноимённая работа [103].

Большой вклад в исследование религиозно-правительственных отношений внёс М.С. Корзун, в своих трудах проводя анализ положения и деятельности русской православной церкви на различных исторических этапах, в частности исследуемому периоду посвящена работа «Русская православная церковь 1917-1945 годы» [40].

А. Д. Лебедев изучает антирелигиозную политику в отношении Римско-католической церкви в 1920-е гг. В своих работах он основывается на изучение партийных документов советского руководства 1920-х гг., а так же на значительный объём архивного материала, введённого им в научный оборот. В

своих исследованиях А. Д. Лебедев проанализировал влияние международного фактора на политику советских властей по отношению к Римско-католической церкви на территории БССР в 1920-е гг.

В своих работах он выделил определённую закономерность – «протесты со стороны мирового сообщества в лице Ватикана, Польши и других государств» вынуждали власти в ряде случаев идти на уступки и корректировать свой курс по отношению к католической церкви» [52, с. 14].

В своих исследованиях А. Д. Лебедев пришел к выводу, что в 20-е гг. XX в. «властям не удалось ни ликвидировать РКЦ, ни поставить ее под свой контроль», но ее влияние в обществе в тот период было ослаблено. В целом антирелигиозная политика советского государства признана неэффективной ввиду высокого уровня религиозности населения, а так же в связи с не системностью советской антирелигиозной политики. Также он отмечает некоторое уменьшение религиозного настроения в молодёжной среде [52, 53, 55].

Исследованием положения католической церкви в 1920-1930 гг. уделял значительное внимание Э.С. Ярмусик. В частности в статье Католическая Церковь (в Западной Беларуси. 1920-1930 гг.) [104] он подробно описывал взаимодействия польского государства и церкви на территории Беларуси, что позволяет проводить аналогии между двумя политическими режимами на соседствующих территориях, а так же проследить реакцию населения на соответствующую государственную политику.

Так же исследованием западной Беларуси посвятил свои работы А. Н. Вабищевич. Он подробно изучал историю старообрядчества на территории Западной Беларуси в 1920-е–1930-е гг. [10; 11; 12].

Историк констатировал неоднозначность положения старообрядцев. Старообрядцы, как и другие русские меньшинства подвергались давлению со стороны польского государства, однако при этом они получали юридическое право на свою индивидуальную культурную и конфессиональную деятельность. А. Н. Вабищевич большое внимание уделял взаимоотношениям старообрядцев с другими народами и отмечал спокойное взаимодействие с белорусами. По мнению А. М. Вабищевича, в конце 1930х гг. возможности старообрядцев для поддержания необходимого уровня независимости отсутствовали. Но при этом, даже «в абмежаваных умовах стараабраднакам удалося захаваць сістэму этнакультурных каштоўнасцей, мінімізаваць негатыўныя ўплывы» [12, с. 24].

Довгяло Н.В. предпринимает попытку исследования всей конфессиональной политики советской власти в БССР в 20–30-е гг. XX.. Н. В. Довгяло выделила два направления советской конфессиональной политики:

административно - контрольное и репрессивно–ограничительное. Ей были выделены 4 периода активизации репрессий против духовенства и верующих: 1922 г., 1926–1927 гг., 1928–1933 гг., 1937–1938 гг. [23, с. 15–16]. Проведя подробный анализ советское законодательство о религии, Н.В. Довгяло констатировала, что советское антирелигиозное законодательство не предполагало прямого гонения на религию и церковь.

Отдельного внимания так же заслуживают историографические работы С.Ф. Веремева – Постсоветская белорусская историография истории христианских конфессий в Беларуси в 20-30-е гг. XX в. [16]; старообрядчество в Беларуси в 20–30-е гг. XX. в.: отечественная историография проблемы. [15] В них кратко и обстоятельно проведён обзор современных белорусских исследований по периоду 1920-1930х гг.

На данный момент существует достаточно большое количество исследовательских работ посвящённых особенностям проведения советской антирелигиозной политики в 1920-1930-х гг. в адрес католицизма и православия на территории Беларуси, но аналогичных исследований про положение старообрядчества в вышеназванный период практически нет. Существуют буквально единичные исследования:

Бендин А.Ю. рассматривал процесс взаимоотношений между правительством и религией в целом, но и уделял внимание положению старообрядцев, в частности в работе «Старообрядцы и российская веротерпимость в XIX - начале XX в.» [7].

На территории Беларуси так же в 1992 года была издана совместная монография Короткой Т.П., Прокошина Е.С.и др. «Старообрядчество в Белоруссии [42], а в 2004 году монография А.А. Горбацкого «Старообрядчество на белорусских землях» [17], в которых содержится подобный и глубокий анализ исследований истории старообрядчества в более ранний период. Результаты данных исследований являются базисом для сравнения положения старообрядцев в Беларуси при царском правительстве и при советской власти.

Последний, третий уровень содержит в себе работы, посвящённые истории старообрядчества в 1920-1930 гг.

Положение старообрядческих общин в 1920-1930 гг. мало изучено в современной белорусской историографии. Исследования представлены исключительно статьями.

Мы можем выделить всех белорусских исследователей, изучающих конкретно данную тему. К ним относится Р.М. Рогинский, автор работ– Старообрядчество Гомельщины и советская власть. 1920–1930-е годы (по архивным данным и устным источникам)[81]; Конфессиональная политика Советской власти в отношении старообрядчества [80]; С.А. Посталовский,

автор большого количества исследований, посвящённых положению старообрядческих общин Гомеля в изучаемый период. Среди его работ можно выделить следующие: Рэлігійнае жыццё стараверскага насельніцтва ў БССР у 1920-я гг. [69]; Повседневная жизнь старообрядцев в Беларуси в 1920–1930-е годы [49]; Старообрядцы и власть на Гомельщине в 20–30-е годы XX века: формы и методы взаимодействия [72]; Старообрядцы как этноконфессиональная группа на Гомельщине в 20-30 годы 20 века. [73]; Старообрядческие религиозные общины на Витебщине в 20е годы [74]. Так же мы можем назвать статью Ю. В. Сермягиной Старообрядчество на Витебщине: традиции и новации в 20-е годы XX в [83]; и исследование Савинской, М. П. Отношение органов власти к старообрядческим общинам на Гомельщине в 20-е годы XX века [82]. Мы представили все основные исследования положения старообрядческих общин на Беларуси в 1920-е–1930-е гг.

В современной российской исторической науке данная тема рассмотрена несколько подробнее. Необходимо отметить, что с 1995 года и до нашего времени (с перерывом между 2014-2017 гг.) в России ежегодно проводится научно-практическая международная конференция «Старообрядчество: история, культура, современность» с публикацией сборника научных материалов. Главной отличительной чертой российских исследований является их «местный» характер. Можно выделить следующие исследования: Е.А. Агеева «Репрессии 1920-1930-х гг. против старообрядцев Богородского края», А.В. Костров. «Советская власть и старообрядцы Сибири в 1920-е гг.» [44], Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в условиях становления советского общества» [45], С.Р. Шигапов «Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920-1930-е гг. (на материалах томского уезда)»[95], И.В. Куприянова «Старообрядческие общины алтая в отношениях с государством» [48], «Ликвидация старообрядческих общин Алтая в конце 1920-х – середине 1930-х гг.» [49], К.В. Симоненков «Старообрядчество курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х - 1930-х гг» [84], Зольникова Н. Д. Сибирские староверы и власть после революции: судьбы и дороги [29] и др.

Наличие монографий по данной тематике опубликованных в Российской Федерации даёт возможность опираться на методику исследования аналогичной темы, что положительно сказывается на результатах исследований. Также аналогичные работы открывают широкие возможности для сравнения и выявления местных особенностей проведения антирелигиозной политики в адрес старообрядческих общин.

Таким образом, в постсоветской историографии достаточно подробно рассмотрена советская политика в области религии в 1920-е – 1930-е гг. в адрес

последователей православия, сформирована большая методологическая база. Однако крупных исследований, посвящённых особенности проведения антирелигиозной политики в данный период в адрес старообрядческих общин на территории Беларуси нет, также отсутствуют исследования, характеризующие советскую политику в адрес старообрядческих общин на территории всего советского союза в целом.

1.2 Источники

В научный оборот введено значительное количество источников посвящённых советской антирелигиозной политики в 1920-е–1930-е гг.

В первую очередь необходимо выделить законодательные источники. Данная группа источников позволяет определять содержание советской антирелигиозной политики, её направленность. Анализ законодательных источников позволяет наблюдать системное развитие и изменение советской политики в области религии в целом, а так же форм и методов её проведения. Можно выделять общегосударственные законодательные акты (Декрет «О земле», «Декларация прав народов России», Конституция РСФСР 1918 и др.) и специальные законодательные акты и постановления, исключительно религиозного направления (декрет «об отделении церкви от государства и школы от церкви», постановление «об исполнении декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви», циркулярное письмо ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» и др.). При работе с данной группой источников необходимо оценивать реальные условия его создания, что позволяет подробнее интерпретировать результаты анализа содержания источника в историческом исследовании.

Важной группой источников при исследовании советской антирелигиозной политики в 1920-е–1930-е гг. являются труды современников событий. Так, к примеру, в работах Л.Д. Троцкого [90], В.И. Ленина [57], Е. Ярославского [105, 106], В.Д. Бон-Бруевича [8], С.А. Зеньковского [28] и др. содержится значительное количество исторического материала зачастую используемого в качестве первоисточника. Так же важна оценка современников определённых фактов и событий, т.к. она отражает определённые социокультурные особенности изучаемого времени.

Значимой группой являются статистические источники, к ним можно относить переписи населения, статистику закрытия церквей, данные опросов населения и др. Наиболее эффективно данная группа источников при использовании историко-сравнительного метода исследования.

Значимым вторичным источником являются исследования авторов периода перестройки (к примеру, работы В. А. Алексеева[1], М. И. Одинцова [68] и др.). Исследователи получили доступ к широкому перечню источников, доступ к которым был запрещён на более раннем этапе. В работах данных исследователей содержится значительное количество исторического материала напрямую полученного из закрытых архивов, доступ к которым по причине географической удалённости не возможен для самостоятельного изучения большим количеством исследователей.

1.3 Методы исследования

Основным методологическим принципом данного исследования является принцип историзма, который предусматривает рассмотрение советской политики в области религии в адрес старообрядческих общин в 1920-е – 1930-е гг. с учётом динамики её становления и развития, предполагает анализ особенностей политики, основных тенденций и изменений наблюдаемых в ней. Также активно используются другие методы исследования: сравнения, обобщения, анализа, дедуктивно-индуктивный метод. Используются элементы количественного метода, в частности количественный анализ, который помогает использовать статистические и количественные данные в большом количестве присутствующие, как в первоисточниках, так и во вторичных источниках.

Большую роль в исследовании имеет историко-сравнительный (компаративный) метод, который заключается в сопоставлении исторических объектов и событий в пространстве и времени, выявлении их сходстве и различии. Активно используется сравнительное сопоставление (т.е. сходство и различие объектов или событий существовавших в различных условиях) и историко-топологическое сравнение – т.е. определение сходств и различий объектов или событий с одинаковыми условиями генезиса и развития.

Данный подход даст наиболее качественный результат ввиду больших возможностей для сравнения особенностей проведения государственной антирелигиозной политики как на различных территориях (что обусловлено широкой географией её проведения т.к. данная политика проводилась в общегосударственном масштабе) в которых на момент проведения политики была разнообразная политическая, экономическая и социальная обстановка, значительно различался конфессиональный состав населения, а также ввиду длительного периода проведения советской антирелигиозной политики в целом и длительности периода, рассматриваемого в данном исследовании в частности.

В данной работе для характеристики историографии вопроса используется проблемно-хронологический подход, который позволит наиболее подробно рассмотреть вопрос, разделив его на составные части путём выделения характерных особенностей и проблем, выделяемых историками определённого периода.

Ввиду большой значимости личности руководителя в советском государстве при изучении исторических исследований использовался социально-психологический подход т.к. он позволяет оценить значимость и влияние конкретной личности на проведение политики.

ГЛАВА 2. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (1917-1929 Г.)

В советской политике в области религии 1920-1930х гг. можно выделить 2 хронологических периода – с 1917 г. по 1929 г., и с 1929 г. по конец 1930-х гг. Нельзя назвать точную дату начала советской антирелигиозной политики, началом советской антирелигиозной политики можно считать или 8 ноября (по новому стилю) – принятие «декрета о земле», согласно которому земля, в том числе и церковная изымалась в сторону общества или 15 ноября 1917 г. (по новому стилю), когда в РСФСР была подписана Декларация прав народов России, содержащая в себе антирелигиозные элементы, политика в области религии для СССР в целом начинается с момента подписания договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 года. Для отдельных регионов соответствующей датой будет год, месяц и день официального вступления в СССР. Этап 1920-1930 гг. чаще всего исследователи ограничивают формулировкой «конец 1930-х», либо выделяют 1939 г., как год начала второй мировой войны, ставшей отдельным, самостоятельным этапом жизни советского общества в целом и советской политики в области религии в частности.

Внутри советской политики в области религии 1920-1930-х гг. возможно выделить 2 периода.

Первый – с момента становления советской власти и до 1929 года. Выделение данного периода связано изданием первых законов, определяющих деятельность советской власти, определением направленности антирелигиозной работы, проведением политики «религиозного НЭПа». Окончание «религиозного НЭПа» можно считать завершением данного этапа.

В первом периоде можно выделить два этапа.

1) – с момента создания советского государства и до 1923 года. Отличительной чертой данного периода является проведение политики красного террора (в том числе и в адрес церкви) появление и первоначальная поддержка государством обновленческой церкви, появление законодательной базы советской антирелигиозной политики, проведение кампании по вскрытию мощей, кампании изъятия церковных ценностей. Наблюдается значительное развитие внутри партии при определении направления антирелигиозной борьбы.

2) – можно выделить под наименованием «религиозный НЭП». Время его осуществления 1923-1929 гг. Второй этап связан с осуществлением новой экономической политики в советском государстве, и изменениями

антирелигиозной политики, связанной с окончанием политики «военного коммунизма» в адрес церкви, демократизации диалога с церковью.

Второй период советской политики в области религии выделяются с 1929 года (окончание новой экономической политики), заканчивается 1939 г, ввиду вступления СССР во вторую мировую войну и началом нового периода во всей государственной политике. Подробнее данный этап будет рассмотрен в соответствующей главе.

2.1 Становление советской антирелигиозной политики (1917-1923 гг.)

Определить точную дату начала советской антирелигиозной политики сложно т.к. антирелигиозные элементы прослеживаются с момента становления советского государства. Первым упоминанием можно считать «декрет о земле», далее в декларации прав народов России, которая содержит в себе пункт об отмене национально-религиозных привилегий и ограничений. Декларация была подписана 15 ноября 1917 год (по новому стилю).

По мнению многих исследователей, (А.А. Алексеева, И.И. Янушевича, Т.С. Протьки и др) [1; 102; 77;]. именно с этого момента начинается экономическое давление на церковь. Так как. церковь являлась сильным и богатым землевладельцем, то удар по её главному состоянию наиболее эффективен со стороны советского руководства.

Следует отметить, что советская политика в области религии в глобальном смысле была направлена на три аспекта (задачи):

- 1) борьба с религией как с антинаучной теорией;
- 2) борьба с церковью и духовенством (клерикализмом);
- 3) борьба с религиозным сознанием.

В религиозной политике советского государства до момента объявления «Религиозного НЭПа» не было единого направления. На законодательном уровне определённо прослеживается целенаправленное отделение церкви от всех источников финансирования, а так же попытки максимально отдалить советское население от церкви, путём создания различных препятствий (но не прямых запретов) для осуществления религиозных действий. При этом полная свобода воли была закреплена на юридическом уровне в главном правовом документе – конституции. Более подробно законодательный аспект становления советской антирелигиозной политики будет рассмотрен в соответствующем параграфе.

В данный период следует обратить особое внимание на подходы к осуществлению политики со стороны виднейших лиц партийного руководства, в первую очередь на В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого.

Первым и ведущим лицом советской антирелигиозной политики при становлении советского союза естественно является В.И. Ленин, именно он определили глобальные задачи советской антирелигиозной деятельности, однако непосредственной тактикой и проведением практической реализации на раннем этапе является Л.Д. Троцкий. Как пишет И.И. Янушевич «Именно Лев Давидович и является идейным вдохновителем наиболее жестоких и во многом бессмысленных ... для партии большевиков антирелигиозных компаний» [102, с. 2].

В позиции Ленина мы видим стремление у полному разрыву государственно-церковных отношений, а так же создание препятствий для осуществления религиозной деятельности (но не прямой ей запрет). О такой позиции говорит изъятие церковной земли в следствии декрета «О земле», лишение возможности зарабатывать как юридическое лицо в следствии декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви». При этом В.И. Ленин подчёркивал, что ведение антирелигиозной политики должно проходить без оскорбления религиозных чувств, что отражено в проекте программы РКП(б), пункт 10: «Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, ... организуя для этого самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.» [57, с 118].

Позиция Троцкого достаточно сильно отличалась. 13 мая 1918 года Лев Давидович, став наркомом по военным делам сформировал сильнейший репрессивный аппарат [43, с. 115]. После этого в действия была введена система заложничества. Под данную политику попадали не только белые офицеры и царские чиновники, но и духовенство, а так же часть прихожан. Н.М. Никольский так писал о деятельности Троцкого «Задача уничтожения православного духовенства в условиях смертельной схватки за власть, «красного террора» представлялась вполне реальной. Ведь необходимо было ликвидировать «все-го-то» 148 епископов, 125 000 священников и дьяконов, 92 000 монахов и монахинь [44, с. 147].

Столь жёсткие действия хоть и имели некоторое значение, но не оправдывали средства и силы на их осуществление. Постановление VIII съезда РКП(б) призвало снизить накал антирелигиозной борьбы и определило, что «Действовать надо организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [37, с. 112].

Однако вместо этого в 1919 году начинается политика по уничтожению мощей. Данная компания рассматривалась исключительно как

пропагандистская акция. Мы можем предположить, что целью ставилось «развеивание мифа о нетленности остатков», в пользу данного предположения говорит обязательная фиксация процесса вскрытия мощей и публикация результатов через газеты и радио. Кампания по вскрытию мощей противоречила даже советскому законодательству и постановлениям СНК и самой Конституции [102, с. 2.]. Реакция на данные действия была весьма серьёзной. В ряде случаев можно отметить не просто провар антирелигиозной работы, но и наоборот, подъёма веры в обществе. Об этом говорит современник событий, историк И. С. Стратонов: ««Внутренний рост церковного самосознания достиг той высоты, равной которой не было последние два столетия» [85, с. 36]. Более подробно политика по ликвидации мощей будет рассмотрена в дальнейшем.

Не смотря на явную неудачу политики насильственного уничтожения религии Л.Д. Троцкий использует следующую возможность на законодательном уровне нанести урон религиозным организациям, в частности русской православной церкви. Он решает использовать голод для изъятия ценностей у церкви. И.И. Янушевич выделял в проведении данной политики роль Троцкого «Троцкий с присущим ему коварством разработал и провел через ЦК план очередного удара по религиозным организациям посредством полного ограбления под благородным предлогом помощи голодающим» [102, с. 3]. Сам Троцкий лично возглавил комиссию по учёту и сосредоточению церковных ценностей [90, с. 275]. Данная политика вызывала сильнейший отклик в народе, в частности об этом может говорить цитата из письма Емельяна Ярославского Ленину «Советы часто совершенно на считаются с волей подавляющего большинства, а иногда ии единодушной волей единоверческого православного населения... На женском съезде в Москве мне были записки на тему «Зачем насильно выносят иконы?» В деревнях взятки берут, что бы не трогали иконы. Есть ли смысл обострять отношения с крестьянской массой по такому вопросу? (подчёркнуто в тексте) [1, с. 67].

В данных условиях Троцкий решил использовать проведение компании по изъятию ценностей для следующего агрессивного шага в сторону религии. Он начинает поддержку обновленческого движения внутри церкви, которое набрало немалую силу ввиду неоднозначности политики по изъятию ценностей. Внутри православной церкви. В суть компании прекрасно «ложится» обязательное присутствие при изъятии ценностей представителя духовенства. Данный представитель (если он был надёжно подобран из сочувствующих или работающих на правительство священников) в дальнейшем на собраниях, на митингах, в прессе мог подтвердить добровольность и правильность политики изъятия церковных ценностей. В дальнейшем

планировалось провести кампанию против обновленческой церкви, которая должна быть уничтожена сразу же, после получения ей полной власти в структуре управления религией, т.е. тогда, когда русская православная церковь в качестве независимого института перестанет существовать окончательно [2, с. 187].

Таким образом, мы можем сказать, что становление советской антирелигиозной политики проходило в условиях весьма серьёзной внутривнутрипартийной борьбы, что отражалось в действиях и подходах советской антирелигиозной политики. Не смотря на то, что в государственных и партийных документах, а так же публичных выступлениях руководства партии говорило о недопустимости гонений на религию – данные действия продолжались в антирелигиозных мероприятиях под руководством Л.Д. Троцкого. В данный период предприняты решительные шаги по отделению государства от церкви в первую очередь действия советской власти были направлены на прямое отделение церкви от любых источников материальных ресурсов, однако для религиозных обществ оставлена возможность действовать через отдельных представителей общин, которые самостоятельно, но в то же время от лица религиозной общины могли осуществлять производственную деятельность либо использовать её в интересах церкви (к примеру, заказ религиозной литературы).

Не смотря на то, что религиозные группы для получения в пользование определённых элементов религиозного культа (к примеру, молитвенных зданий) должны были по количеству членов превышать 20 человек, отсутствовали жёсткие ограничения по территориальному расположению общины и имели право свободно передвигаться и действовать. На законодательном уровне в конституции была закреплена свобода как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды. В целом, данный этап советской антирелигиозной политики по праву можно считать этапом становления ввиду отсутствия в нём единой антирелигиозной политики. Проводимые политические действия (такие как изъятия церковных ценностей, политики разрушений мощей) чаще всего можно отнести к деятельности определённых представителей партийной элиты (к примеру Л.Д. Троцкого), которые на тот момент имели большую свободу для деятельности, нежели на последующих этапах (1923-1929 гг. и 1929-конца 1930х гг.) в области проведения своих идей о борьбе с религией. Это так же подтверждает отсутствие системности в антирелигиозной политике советского государства данного периода. В 1917-1922 гг. происходит создание всей необходимой структуры взаимодействия государства и церкви. В первую очередь советское государство реализовало потребность в юридическом закреплении положения церкви, а так

же положило начало целенаправленной антирелигиозной пропаганде, которая станет одним из основных методов и средств воздействия на религиозное население в период «Религиозного НЭПа».

2.1.1 Формирование законодательного базиса.

За первые 6 лет существования советского государства была создана весьма серьёзная законодательная база в области антирелигиозной политики. Многие законы, не будучи напрямую направленными на регулирование отношений государства и религии представляют серьёзный интерес для исследователей, т.к. позволяют более подробно рассматривать и трактовать определённые действия советской власти в области религии. Изменение законодательства в данный период весьма динамично, что показывает высокую скорость развития данного ответвления политики. В дополнительных записках и пояснениях, изданных советским руководством можно проследить актуальные проблемы, которые требовали немедленного влияния государственного аппарата.

Впервые, на законодательном уровне отношения советского государства к религии можно изучить в декрете «О земле» [66, с. 91], принятом 8 ноября 1917 года, согласно данному документу государство изымало у церкви её главное богатство – обширные территории, как у одного из крупнейших землевладельцев своего времени. Следующим документом, трактующим положение церкви, была декларация прав народов России [21], которая содержит в себе пункт об отмене национально-религиозных привилегий и ограничений.

Так же советским руководством были приняты многочисленные декреты, в различной степени, затрагивающие и регламентирующие государственно-церковные отношения.

Среди этих документов «декрет о расторжении брака» [66, с. 92] 29 Декабря 1917 года. Согласно данному декрету из-под управления «духовных консисторий ведомства православного и прочих вероисповеданий» бракоразводный процесс передавался государственным органам. Данный декрет распространялся на всех граждан и не имел исключения.

«Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 31 декабря 1917 г. [66, с. 93] полностью выводит брак, как обязательный юридический элемент из-под управления церкви, заменяя его юридическим термином «гражданский брак», как единственно-возможный официальный союз в государстве. При этом следует отметить, что церковный брак не

запрещён, он объявлен частным делом человека. Церковь обязали передать документы, о записи браков в государственные учреждения.

Первым законодательным актом, напрямую определяющим государственную политику в области религии была декрет Совета народных комиссаров РСФСР « Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [22]. Сам документ не носил прямой направленности против церкви, основное его содержание говорит об отделении церкви от государства, а так же гарантирует полную свободу вероисповедания человека. В декрете не упоминается запретов в отношении религии, к примеру, изучение религии в государственных школах запрещено, однако граждане имели право обучать и обучаться религии частным образом. Запрещены принудительные сборы, однако нет запрета на добровольные пожертвования. Здания изыматься, однако бесплатно предоставляются верующим.

Однако, после данного декрета советским правительством была выпущена инструкция «о порядке поведения в жизнь декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви» (от 24 августа 1918 года.) [66, с. 98].

В нём содержатся многочисленные уточнения и конкретизация понятий, содержащихся в декрете. Так, уточняется, что необходимое число местных жителей, для получения в пользование богослужебного имущества не может быть меньше 20 человек. Подробно расписаны обязанности лица, принявшего церковное имущество в пользование: в частности производить ремонт и расходы, связанные с обладанием имуществом, как-то по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных сборов и тд; возместить при сдаче все убытки за время пользования им, отвечать за целостность и сохранность вверенного им имущества.

Всё имущество, не предназначенное для специальных богослужебных целей, полностью и безвозвратно изымается у церкви.

В пункте «о преподавании религиозных вероучений» можно заметить значительное изменение, относительно текста закона: «Преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений, ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общеобразовательных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских» Здания всех церковно-приходских школ, а так же вероисповеданий переходит в распоряжения СРКД или НКП.

Весьма интересна реакция на издание инструкции у профессора В.В. Тилинова, который писал: «При осуществлении декрета об отделении церкви наиболее щекотливым и сложным делом была национализация богослужебных помещений и богослужебного имущества...однако лишь с изданием

инструкции 24. авг. 1918 г. практика отделения церкви от государства получила для себя руководственные нормы..

Постановление «о советской школе» [66, с. 101] от 18 февраля 1918 года отдельно отмечает, что совершение любых религиозных действий в зданиях, находящихся в пользовании СРКД или КНП недопекается, что автоматически запрещает возврат данных школ для преподаванию религии.

В июле 1918 советское государство принимает важнейший документ – Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Именно в конституции за всеми гражданами была окончательно закреплена свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды за гражданами.

В партийных документах продолжается совершенствование государственной политики в области религии, так, из программы РКП(б) принятой на VIII съезде партии (Март, 1919 года) мы видим совершенно чёткое определение главного на тот момент метода борьбы с религией «По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т.е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой. ... При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих. [66, с. 52] Таким образом, главным моментом борьбы с религией являлось именно отделение церкви от материального обеспечения. Именно в этом плане работало большая часть советского законодательства, и именно данное направление борьбы считалось наиболее перспективным.

На X съезде РКПБ “о Главполитпросвете и агитационно-пропагандических задачах партии” [66, с. 53]. 1921 года было уточнено, что одной из существенных задач Главполитпросвета является широкая постановка, руководство и содействи в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся. Сделать это следовало путём предоставления максимально широкого доступа к информации для граждан государства путём издания журналов, книг, учебников, задания лекций и использования различной техники (фото, кино) для улучшения качества просвещения населения.

Весьма интересно в данном контексте постановления пленума ЦК РКП(б) 1921 года, “По вопросу о нарушениях пункта 13 программы о постановке антирелигиозной пропаганды. [66, с. 54] Постановление гласит “не принимать в партию , даже в кандидаты тех, кто выполняет какие-либо обязанности связеннослужителя любого из культов. Однако при этом разрешались послабления ввиду зависимости партийца от семейно-бытовых условий, не терпящих отрыва от религиозного культа. Это определённо говорит о том, что

на 1921 год значимость религии в обществе была огромна, и у государство, вместо большего ужесточения антирелигиозной политики мы видим послабления со стороны партии даже для своих членов. Для популяризации партии было возможно допустить в исключительных случаях в партию верующих, в случае, если они революционной борьбой или работой в пользу революции доказали свою преданность коммунизму.

Мы явно видим, что на 1921 год взаимоотношение государства и религиозного населения находилось в опасной ситуации, т.к. в решении ЦК значительное место было выделено указанию для органов «на местах», «не выпячивать этого (антирелигиозного) вопроса», так же сказано, что антирелигиозную пропаганду необходимо начинать только после полной и качественной подготовки агитатора, что, вполне вероятно, говорит о низком уровне агитационной работы и массовом недовольстве среди населения.

Пункт 10 гласит «Как в антирелигиозных диспутах так и в печати тщательно избегать узконаправленной агитации... против представителей определённого культа». Согласно положению, мы можем сказать, что в данный период в общественном сознании советская антирелигиозная политика явно отождествлялась с гонениями конкретно на православную церковь, что явно не соответствовало планам советского руководства на популяризацию общественного атеистического движения.

В этот период мы можем проследить вполне определённую тенденцию, согласно которой государство ставит перед собой задачу - отрезать церковь от источника финансирования, но ввиду ошибок исполнения происходит серьёзное ухудшение отношений с религиозным населением, из-за чего партия вынуждена корректировать проведение антирелигиозных действий.

Именно в этот период происходит неожиданный поворот в советской политике. Начинается политика изъятия церковных ценностей.

Данная политика основана на целом перечне декретов, определявших её содержание, предвестником бы декрет ВЦИК: «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» (27 декабря 1921 г.), главным в его содержании был сам факт констатации наличия в церквях и монастырях значимых ценностей, далее был издан декрет «О ликвидации церковного имущества» (2 января 1922 г.) и «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» (23 февраля 1922 г.). Вслед за этими законами вышло последовало Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «Об организации изъятия церковных ценностей» (20 марта 1922 г.). В начале марта 1922 г. все республики, края и области одновременно вместе с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [19, с. 3].

Главной официальной причиной данного действия, прописанной в постановлении, была попытка преодолеть голод «Изыятые имущества поступают в особый фонд и на особый учет и обращаются исключительно на нужды помощи голодающим». Акцентируем внимание на то, как в самом постановлении описывается сам процесс изъятия ценностей «Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религии по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа», а вот в секретной инструкции от 4 марта 1922 года изъятия уже называют «ликвидацией». При этом недопустимой считают только ликвидацию ценностей, созданных до 1725 года, для ценностей, созданных после 1835 года «ликвидация» проводилась в полном объёме, «интересы самого культа» больше не имели значения, как исключение назывались «предметы, имеющие высокохудожественное и бытовое значение» [77, с. 274].

Законодательно, данная компания была закончена 30 августа 1922 года, когда СНК финансов РСФСР разослал циркуляр, в котором указал, что компанию по изъятию церковных ценностей была закончена.

Политика изъятия церковных ценностей в значительной степени выбивалась из того пути развития взаимоотношений государства и церкви. Мы можем наблюдать некоторый процесс стабилизации положения церкви, использование в первую очередь законодательного метода, регулирования отношений церкви и государства, однако, как компания по вскрытию мощей, так и политика изъятия церковных ценностей вносили значительный дисбаланс между отношениями государства и церкви.

В целом, анализируя становление советского законодательства мы можем отметить, что главная его цель состояло в максимальном ослаблении православной церкви. В равной степени законодательство регламентирует как материальные, так и общественные запреты в религиозной деятельности. Во время становления антирелигиозной политики мы не можем отметить серьёзной противоцерковной направленности законодательства. Не смотря на многочисленные ограничения законодательно поощрялись возможности для (относительно) бесприпятственного справления религиозных потребностей.

2.1.2 Компании антирелигиозной направленности

В начале 1920-х гг. советская власть предприняла 2 крупные компании против религии – это политика по ликвидации мощей и компания изъятия церковных ценностей. Их анализ занимает важное место при исследовании

советской политики в области религии в период её становления. Кампания о ликвидации мощей была начата согласно постановлению Народного Комиссариата Юстиции от 25 августа 1920 г.

Статья № 336 (которой являлось вынесенное постановление) имеет нестандартное основание. В самом начале указано, что данное решение не является инициативой советского руководства. Данное постановление являясь результатом требования «самых масс трудящихся» и перечислены места конкретные губернии, из которых требования были выдвинуты и проведены первые вскрытия мощей: «Архангельской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Московской, Новгородской, Олонекской, Псковской, Тамбовской, Тверской, Саратовской и Ярославской» [75, с. 504].

Далее описывается комиссия, которая присутствовала на вскрытии мощей (в неё входили представитель трудящихся, духовенства а так же эксперты-врачи и члены советского управления), что подчёркивало соответствие действий по вскрытию общенародной потребности в изучении феномена нетленности.

Следом даётся результат данных действий: «Советской власти раскрыли целый ряд мошеннических действий, при помощи коих служители культа обманывали народные массы» [75, с. 504], после чего идёт подробное описание состояния мощей, а так же характеристика предмета, в котором они содержатся. Во введении в статью не даётся какого-либо определения нетленности мощей, не рассматривается трактовки нетленности в понимании представителей духовенства, вся аргументация строится на плохом физическом состоянии останков, об этом говорит прямое обвинение в обмане священников – «Вот то, чему архиереи и монахи заставляли поклоняться загнипнотизированные массы, почитать за нетленные (т. е. неразрушенные от времени) тела, и во имя чего приносить свои трудовые копейки в церковные карманы» [75, с. 504].

Далее в документе перечислены и описаны конкретные мощи, на примере которых подчёркивается обман со стороны священнослужителей. Отдельно выделяются моменты «подлога» т.е. отсутствия реальных мощей святого и замена их искусственными мощами, или же прямая замена на муляж, который не относится к предметам принадлежащим святым. В постановлении перечислены многие подобные примеры, мы приведём лишь некоторые из них: «В соборе Василия Блаженного, в Москве, обнаружены «мощи» отрока Гавриила, оказавшиеся состоящими из воска и небольшой, размером в ½ вершка, гнилой кости. Мощи эти были привезены... еще в 1915 г. в целях челоуеконенавистнической антисемитской пропаганды... В большинстве остальных случаев обнаружены были обложенные ватой и тканями полуистлевшие, рассыпающиеся в порошок кости...иногда в раках были

обнаружены посторонние, по-видимому, не имеющие никакого отношения к культу, предметы...» [75, с. 503-504].

Мы считаем необходимым отдельно отметить выделенную в постановлении цель привоза мощей - «В целях человеконенавистнической антисемитской пропаганды». Данная формулировка детально отражает саму цель проведения политики вскрытия мощей - т.е. причинения максимального урона авторитету церкви в глазах граждан государства. Не смотря на подобный подход в самом постановлении нет прямой критики религии, постоянно отмечается, что использование мощей – есть инициатива отдельных священников и царского руководства, которым и ставилось в вину изготовление и использование «нетленных мощей».

Так же отмечается отдельным пунктом, использование церковнослужителями канонизации в целях политического воздействия на массы трудящихся – «Уже после октябрьской революции, в 1918 г., церковники, в целях политического воздействия на отсталые массы, канонизировали митрополита Иосифа астраханского» [75, с. 504], что напрямую ставило вопрос о святости мощей в целом. Прослеживается определённая линия политики, которая ставила перед собой цель прямой дискредитации понятия «нетленных мощей».

Понятие «мощи» согласно данному постановлению определялось как «аппарат, для затемнения сознания народа, для укрепления в нём религиозных предрассудков и вместе с тем влияние на тёмные массы» [75, с. 504].

По всему постановлению прослеживается оценка материального значения использования священниками мощей святых. В заключительной части указано, что революционные массы негативно относятся к тому, что бы «мумифицированные трупы, или останки трупов, или имитация трупов» [75, с. 504] продолжали использоваться в Советском государстве, а так же приносили доходы церковнослужителям. Этот весьма важный момент подчёркивал не только материальную выгоду священников от эксплуатации мощей, он логически обосновывал дальнейшую политику по уничтожению мощей, а не только их изучению. Сам «культ мёртвых», как названо поклонением мощам необходимо было искоренить как оскорбляющий советского человека.

Оставляя возможность действий при обнаружении реальных останков советское руководство не требует уничтожения всех мощей, а определяет их предназначение в качестве музейного экспоната, проводя параллель с другими останками, являющимися элементами религии (на примере египетских мумий, которые содержатся в музее). Этим подчёркивается официальная позиция государства, что уничтожение фальсифицированных мощей – это борьба с

предвзвещениями и суевериями, а перемещение древних останков в музей – является стандартной мировой практикой, и не может рассматриваться как гонение на церковь.

На основании данной аргументации НКЮ предлагал осуществлять целенаправленную политику по полной ликвидации мощей. Ликвидация должна была проводиться путём передачи предметов, представляющих историческую ценность в музеи. При обнаружении предметов, не представляющих исторической ценности, а так же использовании их отдельными представителями культа либо организациями – последним грозило преследование вплоть до уголовного за «шарлатанство, фокусничество, фальсификации и иные уголовные деяния, направленные к эксплуатации темноты» [75, с. 504].

Следует отметить, что расследование подобных дел должно было иметь максимальную общественную огласку согласно постановлению НКЮ.

Таким образом, при исследовании постановления, определяющего суть данной политики, становятся понятны её реальные цели и задачи. Доводы и аргументация, приводимые во введении к статье должны характеризовать политику как общенародное решение, а не как целенаправленную антирелигиозную политику советского государства.

В самом постановлении подчёркивалось, что данную политику необходимо проводить при целенаправленной подготовке народных масс и с максимальной открытостью. Этим преследовались 2 цели: первая – максимально широко распространить информацию о «преступлениях» представителей церкви; вторая – предотвратить сопротивление проведению данной политики со стороны населения СССР. Однако, из-за ошибок при проведении и серьёзной неподготовленности представителей комиссий данная политика не принесла ожидаемый эффект дискредитации церкви. Как писал И.И. Янушевич – «Более того, проводимые резко, без предварительной подготовки вскрытия мощей вызвали у верующих недоверие к комиссиям» [102, с. 4].

Таким образом, мы можем сказать, проведение политики по ликвидации церковных ценностей имела прямую антирелигиозную направленность, не смотря на попытки советской власти показать данную политику как форму борьбы с невежеством и шарлатанством.

Следующей глобальной общегосударственной антирелигиозной кампанией стало изъятие церковных ценностей.

Началась политика изъятия церковных ценностей сразу после окончания гражданской войны в России. Основная цель данной политики заключалась в

полном разрушении церкви как института. Данная цель по ходу своей реализации включала несколько задач.

Задача первая и основная заключалась в установлении контроля над значительной группой населения, объединённой конфессиональными признаками. Контроль со стороны советского руководства должен был полностью заменить собой религиозный контроль, который до этого осуществлялась доминирующая (православная) церковь. Советское руководство в полной мере понимало тот факт, что в период гражданской войны религия имела возможность сохранять идентичность гражданской и социальной структуры государства. Как писал А.И. Комаров, подчёркивая основополагающее значение религии в ситуации серьёзного социального напряжения в государстве – «Вечность и неизменность бога как эталона, идеала совершенства для людей означает неизменность и самого этого идеала, а потому его... годность на все времена» [88, с. 2]. Советское государство вполне осознанно ставило перед собой задачу заменить религию в плане общественного влияния.

Задачей второй – являлось непосредственно материальное обогащение советского государства. В послевоенное время вопрос золотого запаса стоял невероятно остро, и его срочное пополнение определённо было важным моментом в экономике советского государства.

Согласно постановлению «О изъятии религиозных ценностей» было проведено разделение всего (религиозного) имущества на 3 категории. В некоторой мере данное действие напоминало уже апробированное во время проведения кампании по уничтожению мощей, когда мощи были разделены на определённые категории, что позволяло на усмотрение комиссии определять их дальнейшее существование в целях интереса советского руководства на законном основании.

Относительно политики изъятия церковных ценностей к первой категории относились ценности, обладающие конкретной историко-художественной ценностью. Данная группа ценностей должна была быть передана под управления Отдела по делам музеев и охране памятников, являющегося составной частью народного комиссариата просвещения.

Вторая группа ценностей была составлена из предметов, значимых, однако не имеющих столь высокой художественной и исторической ценности, они должны были быть переданы в Гохран.

Третья группа ценностей включало в себя исключительно имущества ежедневного религиозного назначения, использование которого было критически важно для проведения ежедневных богослужебных действий.

Важно отметить, что при изъятии церковных ценностей обязательным элементом являлось участие представителей Главмузея, которые и должны были оценивать уровни ценностей и определять их дальнейшее назначение. Функции надзора и контроля за проведением кампании в губерниях были возложены на местные органы управления Советов. Однако на местах часто допускались многочисленные перегибы при проведении данной политики

Следует отметить, что, не смотря на первоочередное проведение политики изъятия ценностей в городских церквях, на территории Беларуси доминировало деревенское население, которое не так спокойно реагировало на изъятия. Известен факт конфликта в деревне Буйновичи Мозырского уезда. Председатель местного Совета в телеграмме в Минск сообщал: «При изъятии церковных ценностей взбудораженная священником толпа не допускает к изъятию. Комиссия ждет указаний. Срочно сообщите, как быть». [97, с. 130].

Мы можем отметить, что при проведении советских антирелигиозных компаний вначале 1920-х гг. основной проблемой являлись именно ошибки в реальном проведении. Мы не можем отметить серьёзного сопротивления центрального руководства православной церкви политике изъятия церковных ценностей или же политики по уничтожению мощей. В исторической литературе присутствуют только элементы местного сопротивления, однако чаще всего они обусловлены «местечковой» инициативой и не имеют системного характера. У нас нет оснований рассматривать спорадическое сопротивление проведению отдельных элементов антирелигиозной политики в качестве составных частей общецерковного сопротивления.

Относительно политики изъятия церковных ценностей – мы можем констатировать, что она являлась в первую очередь политической, а лишь затем экономически обоснованным действием советского руководства. Попытки дискредитировать церковь путём манипуляций экономическим положением церкви ввиду массового голода в стране так же отражают именно политическое значение проводимой политики. Да, весьма важной задачей было изъятие реальных ценностей, однако это не могло быть эффективным способом влияния на материальную «опору» церкви. Мы считаем необходимым повторно уточнить, что согласно советскому законодательству, церковь, была отрезана от реальных источников финансирования уже после изъятия церковных земель и запрета на юридические действия от церкви. Именно данные законодательные аспекты наносили реальный урон экономическому положению церкви, а не изъятие ценностей. Само же изъятие в большей степени можно считать провокацией церкви и предлогом для социально-одобряемых репрессий т.к. повод для изъятий (голод) был весьма актуален для народных масс.

2.1.3 Взаимоотношения советского государства и старообрядческих общин на раннем этапе становления политики в области религии.

Принятием и реализацией декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», государство лишало церковь права на владение собственностью в дополнение к лишению церковных земель, проведённом ранее. Реализацией декрета решалось сразу несколько задач:

I) Церковь теряла значительный источник финансирования т.к. на территориях принадлежащих церкви, в подмонастырских поселениях верующие-православные выполняли различные работы. Экономическая прибыль от этих действий шла в распоряжение церкви. Следует сказать, что на территории Беларуси проживало 5 120 700 человек, которые считали себя православными [согласно переписи населения 1897 г.].

II) Нарушался привычный жизненный уклад селянина-общинника. Изъятие церковных земель можно считать первым этапом подготовки христиан к длительной политике разрушения крестьянской общины.

Для белорусских старообрядцев данный декрет не наносил реального урона в самом начале советской антирелигиозной политики, однако в дальнейшем, при осуществлении стратегических целей издания декрета, также имел большое негативное значение. Базисом, на котором строилась жизнь старообрядцев, являлась религиозная община. Община являлась территориальным, хозяйственным и этнокофессиональным фактором объединения и, что более важно, некоторого обособления старообрядцев от прочего населения государства. Для старообрядцев, которых на территории БССР было не столь значительное количество как православных (127 535 согласно переписи населения 1897г.), разрушение общины являлось значимой проблемой. Старообрядцам как единой группе людей, в центре которой стоит единство религии и обычаев, грозило полное исчезновение, однако необходимой силу советская антирелигиозная политика не смогла набрать на протяжении 1920-х гг.

На раннем этапе становления советской антирелигиозной политики советская власть стремилась воздействовать в первую очередь на старообрядческую молодёжь и бедные слои. Одним из важнейших способов было привлечение их к гражданскому строительству. Обусловлена данная направленность в первую очередь тем, что старообрядцы проживали достаточно замкнутыми группами по конфессиональному и этническому признаку. Следует уточнить, что значительная самостоятельность старообрядческих общин напрямую зависела от их экономических достижений.

Желание советской власти использовать старообрядческое население (путём включения их в колхозы и иные сельскохозяйственные объединения) вполне обоснована тем, что старообрядцы зачастую представляли собой обеспеченный «анклав» в котором есть представители всех, жизненно необходимых для села специальностей.

С.А. Посталовский так описывал род деятельности старообрядцев – «Наиболее зажиточные из них (старообрядцев) занимались торговлей, арендой фруктовых садов, животноводством, ростовщицеством, имели небольшие предприятия, менее зажиточные уходили на сезонные работы (отходничество) в качестве каменщиков, плотников, кровельщиков, маляров, занимались кустарными промыслами.» [73, с. 234]. В таких условиях старообрядческие общины мало были подвержены воздействию со стороны. Второй группой, после молодёжи и бедной части населения являлись женщины. Следует уточнить, что в старообрядческой среде женщины должны выполняли домашнюю работу, другая деятельность для них не была предусмотрена. Горбацкий так описывал занятия женщин в старообрядческих семьях: « Женщины в зимнее время занимались вышиванием и ткачеством. Девушки и молодые женщины вечером и утром при лучине пряли лён и шерсть. Старшие женщины ткали лён и простое серое сукно. Ткали и белое сукно, которое шло на пошив свиток (армяков), и белое узорчатое – на женскую одежду (юбки). Некоторые мастерицы ткали белое сукно самых необычных узоров, чаще всего в гроздь или полоски » [17, с. 52]. Именно для них создавались делегатские институты, кружки различной направленности, было предусмотрено вовлечение в органы власти. Так же в сельских клубах начинали формироваться «конференции молодых крестьянок», которые были направлены на некоторое выделение женщин внутри общины, для дальнейшего на неё влияния.

Важный факт выделила Ю.В. Сермягина, относительно внимания законодательства в адрес старообрядчества: старообрядцы не упоминались в докладе о работе антирелигиозной комиссии при ЦП (1922 год), ни в разделе «О борьбе с церковной контрреволюцией» ни в разделе «О борьбе с сектантством», ни в разделе «О правовых мероприятиях облегчавших партии борьбу с религией и различной мистикой». [83].

Мы можем ответить то, что в 1920-е гг. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) на официальном уровне разрешала проведение старообрядческих съездов «ввиду того, что старообрядцы во времена царизма были гонимы» и намеченные повестки не касались политических вопросов. Более того, по окончании съездов предписывалось «достойным образом характеризовать» их постановления в отдельной статье газеты «Безбожник» [95, с. 44].

Необходимо акцентировать внимание на то, что у официальной церкви подобной возможности не было, если говорить точнее – то собрания подобного плана были запрещены.

Важно отметить, что политика по изъятию церковных ценностей не была ограничена православной и католической церковью, она распространялась на все религиозные группы, включая старообрядчество. Об этом могут говорить существующие переписи церковного старообрядческого имущества. В качестве примера можно использовать опись имущества Желудовского монастыря – (орфография сохранена): «Крест престольный целовальный 1. Иконы – 3. Скаеек – 3. Иконы безкиота – 19. Ломпадок стеклянных – 20. Книг – 6. Столов – 3. Скамеек – 3. Покрывалов столовых – 3. Полотенцов – 3. Кадило медное – 1ю Крест медный – 1 [83, с 228]. Ввиду неприхотливости и отсутствия роскоши в старообрядческих храмах политика изъятия церковных ценностей не должна была оказать серьёзного влияния на их религиозную жизнь и не обостряла отношения между старообрядческими общинами и советским государством.

Таким образом, на первом этапе осуществления церковной политики у государства остались все предпосылки для активного сотрудничества со старообрядцами, нельзя забывать, что старообрядцы являлись фактически «идейными врагами» старого государства.

Проблемы взаимодействия, однако, лежали больше в идеологическом плане, ведь трудно себе представить саму возможность сосуществования конфессионального закрытого сообщества внутри атеистического государства (к созданию которого стремилась советская власть). Ещё одной точкой, которая мешала старообрядцам и государству наладить полноценные взаимоотношения, являлся отказ старообрядцев от регистрации, а так же любых письменных свидетельств. Однако в начале 1920х гг. советская власть лояльно относилось к подобному в старообрядческой среде.

В целом, проанализировав доступную информацию посвящённую положению старообрядческих общин в первой половине 1920-х гг., мы можем сказать, что их взаимоотношение с государством не имели негативной направленности. В адрес старообрядцев практически не применялись ограничения и всевозможные меры преследования. Их не коснулась политика изъятия церковных ценностей, во-первых, потому что в старообрядческих храмах особых ценностей не содержалось, во вторых, потому что изначально политика была направлена на последователей православия, так же старообрядческих общин не коснулась компания по уничтожению мощей. В целом, вся советская антирелигиозная политика в адрес старообрядцев была направлена на постепенное разрушение замкнутой общины, путём выведения из-под её влияния определённых членов, подверженных агитации. В

законодательном плане старообрядцев не выделяли среди представителей иных религий, на них так же были направлены декреты советской власти, однако, ввиду изначального оппозиционного положения старообрядцев к существующей (дореволюционной) власти данные действия не вызвали значительного недовольства у представителей общин.

2.2 «Религиозный НЭП» в СССР (1923-1929 гг.)

Автором понятия «религиозный НЭП» считается Емельян Ярославский, который выступая перед московским активом партии в 1923 году сообщил, что ситуация в стране требует налаживания диалога с церковью, отказа от политики «военного коммунизма» по отношению к религии. Отмечая возросшее сопротивление населения антирелигиозной политике Ярославский предлагал перейти к «религиозному НЭПу» [1, с. 256]. Так же понятие «религиозный НЭП» в 1923 году использовал Л.Д. Троцкий в своём труде «Литература и революция», однако он направил его только в сторону обновленческой церкви и охарактеризовал следующим образом «нэп церковный есть буржуазная прививка к феодальному стволу.» [90, с. 52].

Понятие «религиозного НЭПа» наиболее подробно изучал В.А. Алексеев. В своей книге «Иллюзии и догмы» вопросу, существовали ли в советской России «религиозный НЭП» он посвятил отдельную главу.

В рамках исследования советской политики в области религии понятие «религиозный НЭП» как отражение особенностей антирелигиозной политики в определённый временной промежуток применялось в 2012 году в монографии Н.А. Неживых: «Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири)» [64].

Термин «религиозный НЭП» в данной работе отражает советскую антирелигиозную политику в период 1923-1929 гг. в качестве единой структурной единицы.

Главной причиной принятия религиозного НЭПа является провал советской антирелигиозной политики 1917-1922 гг.. Окончание политики изъятия церковных ценностей, значительное увеличение напряжения между государством и религиозным населением, неудача попытки быстрого смещения православной церкви путём поддержки обновленческой церкви, а так же потребность в некоторой систематизации советской политики вынудило власть начать новый этап в государственной политике в области религии. Это можно проследить в резолюциях XII съезда РКП(б) – О постановке антирелигиозной пропаганды а так же «...по условиям работы партии по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и

крестьянских масс неизбежно приобретёт прежде всего характер углубленной системной пропаганды, наглядно и убедительно вскрывающий каждому рабочему и крестьянину ложь, и противоречие его интересам всякой религии...». Необходимость на уровне резолюций говорить об усилении системной пропаганды и ясно показывает на понимание советским руководством проблемы недостаточности и некорректности действий при осуществлении антирелигиозной политики.

Большую роль партия уделяла созданию атеистической литературы, в резолюции XII съезда РКП(б) данное направление названо «одной из основных задач».

В данной резолюции неоднократно упоминается о необходимости системного подхода, а антирелигиозной деятельности «Вводя антирелигиозное просвещение в общую систему компросвещения школьного необходимо в то же время всячески поддерживать как в стенах коммунистических учебных заведений, так и вне их специальные антирелигиозные кружки и семинары. ... Приступая к постановке систематической антирелигиозной пропаганды и агитации ... партия не должна забывать, что вся наша пропаганда не сумеет затронуть народной толщи пока школьное образование не выполнит своей задачи». Подобное внимание к систематизации подхода прямо свидетельствует о признании деятельности партии на предыдущем периоде неэффективной. Не смотря на то, что в советском законодательстве 1917-1922 гг. нет обоснования репрессивной политики, в период 1923-1929х акцентируется внимание на демократических способах борьбы. Особое внимание так же уделяется аспекту обучения школьников в духе атеизма.

В октябре 1923 года Агитпропотдел ЦК РКП(б) самокритично признал, что антирелигиозная работа ведётся партийными организациями крайне неэффективно «Диспуты, суды над религией и прочее превращают нашу борьбу с религией в спорт» [1. с. 277].

Ошибочно будет считать, что «религиозный нэп», это политика, согласно которой государство меняло своё отношение к церкви. Это в корне неверно. Все советские антирелигиозные догмы продолжали действовать, законодательные акты, принятые в 1917-1922 гг. не были отменены, издавались новые документы (хотя такого активного процесса законотворчества больше не было) и конкретизировалась советская антирелигиозная политика. Именно в это время был создан «Союз безбожников». Государство продолжало свою антирелигиозную деятельность.

«Религиозный НЭП» это в первую очередь изменение в методах. В данный период Л.Д. Троцкий начинает терять власть, к примеру, упразднена должность

наркома по военным делам РСФСР, которую он занимал. На первый план выходит более мирные способы борьбы.

Таким образом, можно сказать, что религиозный НЭП – всё же является значительным облегчением советской антирелигиозной политики по сравнению с более ранними годами. Данный период не содержит в себе столь жёстких действий, которые были в первые годы советской власти, в годы гражданской войны. Также, отличия в лучшую сторону наблюдаемы по сравнению с последующим периодом 1929 – 1930х гг., когда, как писал В.А. Алексеев «Когда церковь, духовенство и даже верующие огульно зачислялись в «стан контрреволюции» и с ними признавалось необходимым вести самую «решительную борьбу» [1, с. 267].

Подход к религии в данный период базировался на том, что государство более спокойно относилось и признавало, что религия всё ещё остаётся важным параметром жизни многоконфессиональной страны.

Одно из важнейших мест в отражении антирелигиозной борьбы заключается в деятельности двух печатных изданий: газеты «Безбожник», под редакцией Емельяна Ярославского и журнала «безбожник» (в дальнейшем будет переименован в «безбожник у станка»), который был издательским органом МК РКП(б) (Московский комитет Российской коммунистической партии) под руководством М. Костолевский. Данные журналы отражали весьма различную позицию по отношению к антирелигиозной политике, весьма часто вступали в прямые споры и противоречия. Каждый журнал поддерживала своя политическая сила, что опять же говорит о том, что даже в период религиозного НЭПа советская антирелигиозная политика (не смотря на все заявления и утверждения о своей системности и однородности) имела различия и так же отражала разные подходы к антирелигиозной политике. Однако, на данном этапе различия была не так сильны как во время господства В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Различия отличаются в форме и силе, а так же определении необходимого уровня системности антирелигиозной политики, однако не поднимаются вопросы физического уничтожения религии, изменении методов воздействия в сторону прямых репрессий или ужесточении законодательных запретов определённых различных элементов советской политики.

Именно в период религиозного НЭПа встаёт вопрос о «сектантах», как называли на тот момент всех верующих, не относящихся к господствующим религиям. К сектантству относились и старообрядческие общины.

Религиозный нэп начал сворачиваться после окончания XV съезда ВКП. На данном съезде было установлено, что социализм можно построить в одной стране, что, в свою очередь говорило о приближении конца периода новой экономической политики.

В антирелигиозной политике необходимо обозначить важность всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде, которое проходило 27 апреля 1926 года. Данный факт отдельно выделен в крупнейших исследованиях религиозного НЭПа. [64, с. 121; 1, с. 288] В нём участвовало 30 человек из из белорусси, украины, Средней Азии, Сибири, Повложья, Урала, Москвы, Ленинграда и Центральной ,России (по данным В.А. Алексеева) или же 30 человек из московского комитета ВКП(б), а среди остальных двадцати пяти человек – 5 украинцев, по одному от городов центральной росии включая Ленинград и только 1 из сибиря [64, с. 121].

У данной встречи было 2 цели:

1) определить задачи, методы, формы антирелигиозной пропаганды в городе и деревне; 2) Принять положение о Центральном Совете Союза безбожников.

По второму пункту Ярославский добился своей окончательной победы, Союз Безбожников получал приоритетное значение в проведении антирелигиозной работы. При этом союз безбожников из «добровольного союза сторонников», как это было определено в уставе [94, с. 1] организации, становился партийно-государственной организацией. [64, с. 122]. Сразу следующий, 1927 год. было проведено, по неполным данным, 137 местных съездов и конференций.[86, с. 1] что подтверждает резкое усиление практической деятельности союза безбожников.

Фактически именно в данный момент начинается превращение союза безбожников в «боевую безбожную организацию», через 2 года будет проведён общий сбор организации, и она будет переименована в «союз воинствующих безбожников», будет создана детская организация «союз юных воинствующих безбожников», однако уже с 1927 года в положении и деятельности союза безбожников чётко отражено направление на ужесточение антирелигиозной деятельности.

В итоге, мы можем констатировать, что политика «Религиозного НЭПа» положительно сказалась на взаимоотношениях советской власти и религиозного населения. В период «Религиозного НЭПа» были сглажены многие острые моменты, возникшие вследствие ошибок советской политики в области религии на первом этапе их взаимодействия. В данный период советским руководством осуществлялась подготовка к дальнейшему усилению антирелигиозных действий, планирование и построение дальнейшей системной антирелигиозной работы, создавались проекты законодательных актов, которые в дальнейшем были воплощены в жизнь.

2.2.1. Положение старообрядческих общин в период «Религиозного НЭПа».

В период религиозного НЭПа внимание советского руководства в адрес старообрядческих общин значительно увеличивается. Одним из факторов, который позволяют судить об этом является статистическая информация о комсомольских ячейках внутри старообрядческих общин. По информации исследователей различных регионов мы можем судить, что стремление к увеличению ячеек являлось элементом общегосударственной программы. Так, Р.С. Шигапов опираясь на архивные данные Томской области пишет – «ни в с. Митрофановке, ни в с. Петропавловском, где часть населения составляли старообрядцы, к 1926 г. так и не удалось организовать комсомольские ячейки» [95, с. 2] Р.М. Рогинский, опирая на данные гомельского архива, так же приводил факты о том, что в старообрядческих поселениях увеличивается присутствие советских организаций – «В д. Марьино (Ветковский р-н Гомельской обл.) по данным на 1928 г. имелось 3 кружка – кружок рукоделия, драмкружок и политкружок.» [81, с 234]. Аналогичную информацию мы можем отметить в исследованиях И.П. Коровушкиной-Пярт, основанной на архивных материалах Урала – «деятельность старообрядческих общин по организации соборов и съездов, оформление общин и учёт зданий для общественной молитвы находились под неусыпным надзором административных органов» [41, с. 5].

В отличие от первого этапа советской антирелигиозной политики, когда советская власть только начинала взаимодействие со старообрядческими общинами и реальных данных об активном участии представителей советской власти в жизни старообрядческих общин практически нет, в период «религиозного НЭПа» архивная информация, полученная историками в территориально разных регионах бывшего Советского Союза, напрямую говорит о возрастающем интересе государства.

Так же в период «религиозного НЭПа» мы можем наблюдать увеличение количества антирелигиозных агитационных мероприятий, проводимых советскими властями конкретно для старообрядческих общин.

Данные мероприятия не имели значительного успеха и не навязывались для старообрядцев, об этом говорят приводимые различными исследователями данные. Так, к Р.М. Рогинский описывал деятельность сельских антирелигиозных агитаторов на примере деревни Марьино: «В деревне имелась изба-читальня, руководитель (избач) которой был наделён функциями атеистического агитатора-пропагандиста, однако свою антирелигиозную работу ... он выполнял весьма халатно» [81, с. 234]. Шагапов, приводя аналогичный пример, цитирует отчёт представителя антирелигиозной группы, который

показывает «силу» и результат антирелигиозной деятельности внутри старообрядческой общины – “Заведующий избы-читальни в с. Митрофановка в своем отчете (1926 г.) отметил, что во время религиозных праздников оказывается невозможным проведение каких бы то ни было мероприятий [95].

В период религиозного НЭПа так же появилась работа, целью которой являлось укоренение советских праздников в старообрядческой среде. Большую роль в данном методе сыграла законодательство, передавшее в руки государства регистрацию браков, что позволяло оказывать влияние на традиционные брачные обряды. Однако не везде советская антирелигиозная политика оказывалась хотя бы относительно успешной среди старообрядческих общин. Шагапов приводил следующие данные – «в «старообрядческой» Минаевке группа отчитывалась о провале женской делегатской работы, объясняя это положением женщин в семьях староверов» [66, с. 3]. Следует выделить тот факт, что советская власть по-особому относилась к агитации в старообрядческой среде. Известен случай, когда в 1927 году в селе Петропавловском сотрудник антирелигиозной комиссии общаясь с крестьянами-старообрядцами, утверждал, что при царе они вынуждены были сдерживать Священный Синод, который являлся государственным органом, управляющим церковными делами. Данный аргумент был направлен исключительно в адрес старообрядчества т.к. было известно о негативном отношении старообрядцев к официальной церкви в Российской Империи [66, с. 2].

Важным фактором в середине 1920-х годов вопросом становится отношение старообрядцев советской власти. На раннем этапе подобные исследования не проводились. При рассмотрении данного положения следует учитывать, что согласно своим религиозным взглядам старообрядцы считают представителей власти – слугами антихриста. Данное положение существует с момента отделения старообрядчества от православия и после установки советской власти стало применимо и к советскому государственному аппарату.

А.В Костров приводил характеристику старообрядчества, данную А.М. Поповой (современницей событий), которая часто посещала старообрядческие сёла в период с 1924 по 1927 гг. «о коммунистах, как о слугах антихриста, мнение довольно дружелюбное» при этом «к советской власти семейские относятся не особенно дружелюбно» [44, с. 2]. Отношение старообрядцев к представителям государственной власти как к «слугам антихристиа» вносило свою лепту в их отношение с государством. Если на территории Беларуси нет данных о прямом противодействии старообрядческих общин советской власти, то в отношении старообрядцев Сибири подобные данные имеются. Так в 1926 году в донесениях ОГПУ отмечалось, что со стороны старообрядческого духовенства имеются также проявления агитации среди населения с целью

восстановления последнего против Советской власти» [44, с. 2]. Коровушкина-Парт в своих исследованиях приводит данные об опросах старообрядцев про их отношение к советской власти на примере Челябинского уезда. В нём большинство старообрядцев нейтрально относились к становлению советской власти, положительно относились к кооперации и не отказывались от военной службы. В единственном регионе из 17 опрошенных (в Таорвской волости) старообрядцы были охарактеризованы как враждебно настроенные к советской власти [41, с. 2].

При этом нами не было обнаружено в исторических исследованиях примеров открытого противостояния старообрядческих общин любой политике советского государства в период «религиозного НЭПа». Открытого сопротивления старообрядцы не оказывали, малую явку на выборы можно объяснить занятостью жителей-старообрядцев, а не их «политическим протестом». Минимальное участие женщин в женских собраниях так же объяснимо не запретом на посещение государственных мероприятий и общественных собраний, а незаинтересованностью старообрядческих женщин в подобной деятельности. В большой степени это было связано с религиозными убеждениями о недопустимости женского участия (греха) в управлении «антихристового государства». При этом А.В. Костров приводит архивные данные о том, что в 1927 году были прецеденты, когда в старообрядческой среде женщины (чаще молодые) становились активистками и принимали участие в официальных мероприятиях, «так, семейские делегатки села Гашей активно приняли участие в праздновании Октябрьской революции, при этом они сшили красные флаги и с ними вышли на демонстрации, что в условиях семейских сёл явление небывало» [45, с. 5]. Достаточно сложно охарактеризовать общегосударственную политику в области религии в адрес старообрядцев, т.к. выше мы приводили данные успехов политики в Байкальской Сибири, то далее будут приведены архивные данные из Томского уезда – «В 1927 г. в небольшой д. Альмяково Ново-Кусковского р-на жителям было неизвестно, что в их поселении уже несколько лет действует партиячейка» [66, с. 4]. Не смотря на то, что оба события отражают одно и то же время, мы видим противоположные данные о результативности действий государства, таким образом мы можем сказать, что положение антирелигиозной пропаганды на местах в меньшей степени зависело от централизованного управления, нежели аналогичная политика в область последователей православия т.к. требовала особого подхода к каждой общине.

В целом, проанализировав данные из известных источников, мы можем констатировать, что в период Религиозного НЭПа не наблюдалось значительного изменения государственной политики в адрес старообрядчества.

Если в период становления антирелигиозной политики (до 1922 г. включительно) только определялись основные подходы и направления работы государства со старообрядческими общинами, то во время «Религиозного НЭПа» мы видим конкретную реализацию данного направления. Наблюдаются активные взаимоотношения старообрядцев государства в первую очередь в семейных отношениях. Если ранее в старообрядческой среде родители выбирали супруга, то к концу 1920-х гг. появились примеры самостоятельного выбора супруга/супруги среди старообрядческой молодёжи. В некоторой степени изменилось положение женщин, т.к. у них появилась возможность при желании участвовать в общественных мероприятиях и государственных праздниках, однако мы не можем отметить высокую эффективность данных действий.

В данный период так же отмечается заинтересованность государственных органов в определении отношения к государству в старообрядческой среде. Если рассматривать усреднённый итог то отношения старообрядчества к государству в 1920-х гг. на всей территории СССР было положительным, мы не можем выделить действий старообрядческих общин, которые бы явно трактовались как противодействие или сопротивление советской власти. Однако активного вступления старообрядцев в ряды партии и принятия советских ценностей (а так же отказа от религии) не наблюдалось.

Таким образом, мы можем констатировать, что в период «Религиозного НЭПа» не было значительных изменений в положении старообрядческих общин, они не испытывали государственного давления и имели больше прав, нежели последователи православия (так, к примеру как и во время первого периода советской антирелигиозной политики были разрешены съезды старообрядцев), однако в это время продолжается поступательная политика по разрушению общины мирными методами, путём создания расслоения в старообрядческой общине.

ГЛАВА 3. УЖЕСТОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ (1929 – КОНЕЦ 1930-Х ГГ.)

Второй период советской антирелигиозной политики начат после издания статьи Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября» в 1929 году. Объявление 1929 года годом великого перелома сказалось не только на политической и экономической жизни, но и на религиозной. Согласно секретному циркуляру ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. антирелигиозная борьба приравнивается к классово-политический и в в массовом сознании будет преодолен определенный рубеж. Если раньше многие советские граждане не рассматривали занятие антирелигиозной работой одним из главных направлений своей деятельности, то теперь участие в ней становилось одним из важнейших подтверждений лояльности к власти и игнорировать ее означало стать в глазах власти политически неблагонадежным.

Союз безбожников переименовывается в «союз воинствующих безбожников», значительно увеличивает свою численность и окончательно становится партийным органом для борьбы с религией (относительно изначальной добровольной организации), создаётся союз юных воинствующих безбожников. По официальным «Статистическим сведениям» 1926-1932 г. количество членов СВБ выросло к 1932 г. с 87033 до 8 млн., а число «Юных безбожников» - до 10 млн. [96, с. 273]. Однако подобный количественный рост вызывает сомнения у исследователей. В первую очередь сомнения вызывает тот факт, что цифра в 8 000 000 членов СВБ не отражается в любых документах советского периода, за исключением дел ЦС СВБ СССР. И.И. Янушевич апеллировал к экономическому отражению количества участников союза воинствующих безбожников: «За 1932 г. было собрано 20% от положенной суммы взносов, в 1933 г. – 14% . Даже если (считать процент) от находящихся в делах ЦС СВБ СССР цифры 8 000 000, то численность реально состоящих в союзе людей была никак не больше 1 600 000, а в 1933 г. около 1 000 000» [101, с. 3].

С изданием 8 апреля 1929 года постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» произошло значительное ограничение деятельности церкви на законодательном уровне. Были введены многие запреты. Так, было окончательно запрещено взаимодействие церкви и производства, даже через членов религиозных общин. Ввиду государственной монополии на бумагу церковь была лишена возможности использовать типографии.

Одним из важнейших законодательных изменений стало разрешение регистрационной комиссии отказывать в регистрации церковных объединений группам граждан без обоснования причин.

На законодательном уровне была запрещена любая религиозная пропаганда, лицам, занимающимся религиозной деятельностью отказывалась в определённых гражданских правах, конституционально гарантированных для всех граждан Советского Союза (право на пенсию), что так же препятствовало религиозной деятельности и напрямую ограничивало в правах граждан по религиозному признаку, что напрямую противоречило первым декретам советской власти.

Таким образом, мы можем сказать, что в 1930-х гг. наблюдается значительное усиление советской антирелигиозной политики связанное с крупными законодательными изменениями, сменой форм и методов антирелигиозной политики.

3.1 Законодательный аспект ужесточения антирелигиозной деятельности советского государства

1929 год И. В. Сталин объявил «годом великого перелома», не смотря на то, что НЭП официально был закрыт 11 октября 1931 года, когда было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР, реальной датой окончания нэпа можно считать вышеназванное постановление Сталина.

В данный период в законодательном плане произошли серьёзные изменения относительно политики в области религии. Законодательство было напрямую направлено на ужесточение отношения к религии.

Согласно секретному циркуляру ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. антирелигиозная борьба приравнивалась к классово-политической [19, с. 3]. Данный подход напрямую был отражён в постановлении – «Усиление социалистического строительства, социалистического наступления на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собой, использующих легальное положение и традиционный авторитет церкви.» [30]. Как мы можем наблюдать, церковь и кулацко-нэпмановские элементы напрямую было обвинены в антигосударственных действиях. Данное постановление прямо указывало на кардинальное изменение отношения государства и церкви. Причём изменение исключительно в сторону ужесточения государственной политики, обосновывалось это те в первую очередь мнимой

«антигосударственной и контрреволюционной» деятельностью религиозных групп.

В циркуляре так же большое внимание уделяют деятельности союза безбожников «Единственная антирелигиозная организация в стране — «Союз безбожников» за последние годы достиг, несомненно, положительных результатов, возрос численно, создал вокруг себя некоторый актив из беспартийных рабочих и крестьян безбожников» [30] Мы видим прямое направление на увеличение деятельности союза безбожников, а так же изменение его статуса, ведь изначально союз безбожников должен был объединять, консолидировать а главное обучать и просвещать население по поводу религии. В данном же постановлении вполне чётко прописано – Однако ЦК считает необходимым обратить внимание на то, что «Союз безбожников» в настоящее время еще не представляет собой достаточно массовой организации и достаточно значительной силы, способной мощно противостоять активности религиозных организаций.»[30]. Именно противостояние религиозным организациям становится главной целью деятельности союза безбожников. Обратим внимание на тот факт, что деятельностью «добровольного объединения» которым изначально считался союз управляет государство, на уровне циркуляров ЦК ВКП(б).

Ещё одним фактором прямого ужесточения государственной антирелигиозной политики, а так же отражением изменения статуса союза воинствующих безбожников является одно из постановлений, вынесенных в циркуляре: «Всемерно поддерживая деятельность единственного антирелигиозного добровольного общества «Союз безбожников», — вливая членов своих организаций — особенно могущих вести антирелигиозную и культурно-просветительскую работу в массах — в «Союз безбожников», партия и комсомол должны обязать своих членов вербовать в этот союз беспартийных рабочих и крестьян и принимать активное участие в борьбе с религией» [30]. Ещё раз акцентрируем внимание на данном факте, участие в борьбе с религией становится законодательно закреплённой обязанностью, хотя до этого антрелигиозная деятельность была правом, как полностью противоположным правом являлась религиозная деятельность.

Важным моментом, обозначенным в данном циркуляре являлось изменение ответственности за антрирелигиозную политику в плане государственных служб, на уровне реценция ЦК не только обязательной стала широкая поддержка деятельности союза безбожников, однако и сами орагны получили требования осуществлять прямую антирелигиозную деятельность “Главлиту, оказывая поддержку издательской работе ЦС СБ и местных «союзов безбожников», решительно бороться в то же время с тенденцией религиозных

издательств как к массовому распространению» мы видим так же прямое направление на борьбу с религиозной печатью и издательствами. Важным моментом являлась монополия на бумагу, которая сразу же отразилась и в антирелигиозной борьбе: «Комитету по делам печати включить в план первоочередного снабжения бумагой издательство «Союз безбожников» и прекратить снабжение бумагой религиозных издательств и организаций». [30] Запрет на получение бумаги напрямую лишил возможности продолжать религиозную печать, а осуществлять покупку бумаги через отдельных представителей религиозных общин было не возможно т.к. бумага не продавалась частным лицам, а распределялась напрямую в типографии. Окончание документа так же весьма чётко определяло роль государственных органов надзорных органов в плане борьбы с религией: «Наркомвнуделу и ОГПУ не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы. [30], религиозные группы и организации напрямую были названы контрреволюционными организациями и противодействие им должно было быть представлено не только «добровольным» союзом безбожников, но и конкретными органами, имеющими широкие полномочия для ведения в том числе и репрессивной деятельности, каким, к примеру, являлось объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР. Таким образом, мы можем сказать, что антирелигиозная политика стала водчиной советских реакционных структур.

8 апреля 1929 года выходит Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», ставшее в дальнейшем основным правовым актом, регламентирующим взаимоотношения гос-ва и религии. В данном законодательном акте напрямую прописаны многие запреты деятельности церкви. Обратим внимание, на формулировку запретов: Параграф 11. Сделки, связанные с управлением и пользованием культовым имуществом... могут заключаться отдельными гражданами, состоящими членами исполнительных органов религиозных обществ или уполномоченными групп верующих [67] Однако при этом указано Подобные сделки не могут иметь своим содержанием договорные отношения, хотя и связанные с культом, но преследующие цели торговые и промышленные, как-то: аренда свечных заводов, типографий для печатания религиозно нравственных книг и т.д. [67].

Данный законодательный акт по факту напрямую препятствовал религиозной деятельности церкви т.к. запрещал производство необходимых для деятельности церкви вещей. Церковь была лишена возможности выступать как

юридическое лицо ещё во время первого периода советского правления, однако именно после 1929 года она окончательно была отрезана от последней возможности участия в производстве – через членов общины. Так же именно в этот период советское государство предоставляет комиссии право не допустить определённого человека (или группу лиц) для участия в религиозной деятельности внутри общины. – Регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц. [67] Обратим внимание, в законе не указаны причины, по которым контролирующие органы могли воспользоваться данным правом, а это значит, что данная функция осталась в их руках ничем не ограниченной. И вместе с этим мы видим целую плеяду прямых запретов:

Религиозным объединениям воспрещается:

а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказывать материальную поддержку своим членам;

в) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь [67]. Мы видим максимально жёсткое ограничение направлений деятельности религиозных организаций, фактически, единственной разрешённой деятельностью осталось собственно религиозная деятельность, однако ввиду серьёзных экономических ограничений работы церкви и она оказывалась под запретом.

Таким образом, государство полностью лишает церковь права на любое участие в жизни общества, за исключением сугубо религиозных аспектов.

Далее выходит инструкция НКВД «О правах и обязанностях религиозных объединений» от 1 октября 1929 года, согласно которой религиозные группы и общины оказались под жестким контролем и их регистрация практически прекратилась [19, с. 4].

Вышеназванные положения нашли своё отражение в Конституции РСФСР 1925 г. в соответствии с внесённым 18 мая 1929 г. Всероссийским съездом Советов изменением в ст. 13: Вместо свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды на уровне конституции была указана «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Данное изменение напрямую законодательно запрещало любую религиозную пропаганду, что создавало

юридическое неравенство между гражданами государства, часть их которых исключительно по религиозному признаку получало определённые ограничения. Данное постановление напрямую нарушало констатированное положение декларации прав народов России которое гласило « Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.» [21]

Следующим законодательным шагом по ужесточению религии являлось постановление совнаркома СССР от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», согласно данному постановлению к признакам кулацкого хозяйства добавлялась сама принадлежность одного служащих культа [5, с. 98]

8 июня 1929 года было издан циркуляр № 188 «о нераспространении законодательства о труде на лиц, обсуживающих религиозные культы», согласно которому лиц, работающих внутри церковной организации лишали страхования, стажа, а так же последующей пенсии (ввиду отсутствия стажа), исключением стали лишь работники, занятые строительством церкви и часть преподавателей религии, если они могли предоставить подтверждение преподаванию других дисциплин, кроме религиозных. Данное постановление фактически лишало гражданских прав части населения и одновременно с этим формировало условия, в которых работа в церкви была доступна исключительно лицам пенсионного возраста (т.к. у них не было опасности в потере пенсии).

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК был издан закон, запрещающий колокольный звон без поводов. Проект инструкции Наркомата юстиции и внутренних дел РСФСР «О порядке пользования колокольными» был сформулирован в период окончания «Религиозного НЭПа» в 1926 г. в законе было прописано, что «пользование колоколами и производство в них звона, не связанного непосредственно с отправлением культовых служб, а лишь в силу установившегося обычая, как например: для «Пасхи», «Рождества» и др. в городских поселениях не допускается» [55, с. 248 – 249], однако данный документ был лишь подготовительным этапом перед следующим в борьбе с колоколами.

В дальнейшем было издано сразу несколько актов частично запрещающих колокольный звон, после того, как комиссия по вопросам культов 31 декабря 1929 года издала закон об урегулировании колокольного звона – трезвон (т.е. звон во все колокола) был запрещён полностью. В связи с переходом на непрерывную рабочую неделю, в городах, где данный переход уже был осуществлен, отмечался дополнительный запрет на колокольный звон.

Сразу, за этим последовало секретное постановление СНК РСФСР от 14 ноября 1930 года №122.877, так о нём пишет Батченко: «Компании было отведено два-три ближайших месяца, планировало «провести изъятие излишних колоколов» под предлогом «нужд нашей промышленности (в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась из импортной меди» [5, с. 60]. Следует добавить, в документе указывалось, что в городах, где был колокольный звон, был запрещён вовсе – изымались все колокола, а не исключительно излишние.

26 января 1930 года Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР изменила порядок принятия решений о закрытии церквей. Отныне окончательное решение о ликвидации молитвенного здания принимали краевые и областные исполкомы (для автономных республик, не имеющих деления на округа, был сохранен прежний порядок), а верующие получили лишь право обжаловать их решения в Комиссию по вопросам культов. С этого момента начинается массовое закрытие и уничтожение религиозных зданий.

Таким образом, для данного периода характерно укрепление конкретно законодательной базы антирелигиозной политики. Данная особенность выражается в принятии законов, декретов, а так же изданиях других нормативных правовых актов, которые распространены на все конфессии, осуществляющие свою деятельность на территории СССР.

3.2 Особенности антирелигиозной политики советского государства в области религии в адрес последователей православия.

После 1929 года советским государством напрямую взят курс на уничтожение религиозных групп, в первую очередь было решено провести массовое закрытие церквей. В различных работах приводятся многочисленные результаты о значительном всплеске закрытия церквей в 1930-е гг. по всему Советскому Союзу. Приведём некоторые из них: так, на Алтае «Благодаря активным деяниям местных властей в регионе перестали существовать 17 православных храмов, в 1932 году было закрыто 11 церквей, в 1933 – ещё 15 храмов» [61, с. 2]; На территории Курского края за время проведения антирелигиозной политики количество церквей было сокращено больше чем в 3 с половиной раза, причём только за 2 года (с 1935 по 1937) была закрыта половина оставшихся на тот момент церквей – «В регионе продолжился курс на массовое закрытие церквей: до 1917 г. их насчитывалось 1700, в 1935 г. – 727 г., в 1937 г. – 476» [9, с. 5]. На примере Пензенского края мы можем отметить значительный рост не только закрытия церквей, но и их уничтожение, т.к. власти на местах больше были ограничены ожиданием решения центрального

комитета, а могли действовать в плане уничтожения религиозных зданий самостоятельно. Необходимо отметить, что закрывались не только «пустующие» церкви, или же церкви не имевшие большого количества постоянных прихожан.

Данная политика не учитывала потребность верующих молитвенных помещениях «С 1931 г. началась массовая ликвидация храмов ... президиум горсовета принял решение закрыть Петропавловскую, Рождественскую, Преображенскую, Покровскую, Боголюбскую, Мироносицкую церкви. В 1934 г. был взорван и разрушен кафедральный собор. Уничтожены до основания Никольская, Петропавловская, Казанская, Духо-сошестввенская, Всехсвятская церкви и многие другие. К началу 1941 г. в Пензенской епархии остались всего две церкви, в которых шла служба» [54, с. 6]. Дальнейшая судьба церкви определялась легко, не было подробного изучения необходимости её существования. При необходимости государственные органы в одностороннем порядке расторгали договора с религиозными общинами. На данный факт следует обратить особое внимание. В 1920-е гг. у государства не было возможности единолично и беспричинно разрывать заключённый договор, а среди причин, дающих право на подобную деятельность, значились исключительно серьёзные нарушения договора (такие как растрата имущества т.п), то уже в 1930-е гг. подобная практика была разрешена в том числе и на законодательном уровне: «Так, 26 января 1930 г. Каинский Окрисполком вынес постановление о расторжении договора с общиной Спасского собора. Причинами были названы невыполнения требуемого ремонта собора, не внесение платы за земельную регистрацию и «требование трудящихся масс к изъятию собора под культурные нужды. ... До 1936 г, были закрыты и разрушены почти все храмовые постройки городов Красноярского края» [92, с.5-6].

Вследствие столь массового закрытия церквей верующие в большинстве своём потеряли возможность ежедневно посещать храмы. Этот факт оказал негативное влияние на жизнь множества верующих-православных.

Так же имеет место значительная репрессивная политика в адрес священников. Священнослужителей чаще всего привлекали за различные высказывания в адрес советской власти, соблюдая букву закона согласно государственным правовым нормам. Различные исследования историков, в которых поднимается вопрос «несправедливо осужденных», «незаконных репрессиях» и прочих элементах антирелигиозных репрессий верны от части, т.к. большая часть репрессий проводилась в полном соответствии с действующим законодательством. Вопрос трактовки законов в 1930-е годы действительно остро стоит в современных исследовательских работах. Однако

при этом, необходимо подчёркивать тот факт, что репрессий, как незаконных действий советского руководства практически не проводилось. Как закрытие церквей, так и разрушение, так и аресты священнослужителей проводились в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, антирелигиозная политика в адрес доминирующей православной церкви соответствовала в соответствии с общегосударственными положениями проводилась централизованно и всеобъемлюще. Законодательно обусловленные действия, напрямую мешающие справлению религиозных потребностей объяснялись «требованиями масс трудящихся» и потребностями государства (как к примеру политика по переплавке колоколов). Главное «слабое место», которое наблюдалось в советской антирелигиозной политике 1920-х гг. (её не системность) было исправлено. Политика проводилась централизованно и упорядоченно, её эффективность можно проследить через значительное снижение количества религиозных общин, отказ значительных масс людей от открытого справления религиозных действий.

3.3 Влияние ужесточения антирелигиозной политики на положения старообрядческих общин.

После 1929 года значительно увеличивается внимание не только к доминирующим религиям, но и к старообрядчеству, которое в 1920-х гг. не ощущало на себе сильнейшего давления власти, как мы указывали ранее – старообрядческие общины имели в 1920-е гг. возможность проводить собрания, организовывать паломничество и тд., то в 1930-е гг., в связи с законодательными изменениями, они данную возможность потеряли.

Как пишет И.П. Коровушкина-Пярт, это коснулось не только внутри церковных собраний, но и антирелигиозной агитации определённого направления, так «диспуты между антирелигиозными агитаторами и представителями религиозных общин, популярные во времена НЭПа, полностью исчезли» [41, с. 3]. Запрет на собрания негативно сказался на старообрядчестве, которое изначально управлялось путём коллективных решений. Интересна характеристика советской политики 1930-х гг. в адрес старообрядчества данная Рогинским – «С начала 1930-х гг. началось «развёрнутое наступление социализма» на все конфессии. Если в 1920-х гг. методы государства носили лишь ограничительный характер, то в 1930-е годы, власть перешла к репрессивным действиям. Сталинская номенклатура погнала старообрядцев в ГУЛАГ. Правда, если для обычных людей лагерь оказывался небывалым испытанием, то для староверов – лишь очередной страницей

гонений» – [80, с. 235]. Именно в 1930-х гг. начинают массово закрываться церкви, молельные дома старообрядцев.

Необходимо отметить, что именно с 1929 года, после своего переименования союз воинствующих безбожников значительно активизирует антирелигиозную деятельность, в частности начинают массово и централизованно собирать информацию о верующих. Заводятся дела на конкретные церкви, а так же религиозные общества. После 1929 г, что важно отметить, не выделялись какие-либо отдельные вероисповедания, или исключения в адрес религиозных групп. Пример подобной деятельности приводит Р.М. Рогинский – «В 1929 г. в Ветковском райисполкоме Гомельского округа (БССР) были заведены регистрационные дела на старообрядческие общины слобод Косицкой и Попсуевской Сивенского сельсовета и Успенской, находившейся в с. Леонтьево Калининского (Климовичского) сельсовета. В каждом деле соответствующего молитвенного дома содержались – опись его имущества» [81, с. 229]. Если во время религиозного НЭПа мы имели сведения лишь о попытках определения отношений к государству в старообрядческой среде, то в 1930-х гг. мы видим конкретную опись всей церковной общины (а не только церковного имущества).

Следует сказать, что в 1930-е гг. ввиду упрощения порядка закрытия церквей (после решения комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР от 26.01.1930), происходит массовая волна закрытия церквей, в том числе и старообрядческих молельных домов. Мы имеем данные, говорящие о массовом закрытии в 1930-х гг. старообрядческих храмов по всей территории СССР: « 1936 г. был закрыт моленный дом поморской общины села Солоновка Сычевского района, в 1937 г. — белокриницкая Никольская церковь села Нижнекаянчи, в 1938 г. — белокриницкая церковь села Пещерка Залесовского района, в 1939 г. — белокриницкая Никольская церковь села Никольское Старобардинского района и т.д.[49, с. 200], «1934 г. были закрыты молитвенные дома беспоповцев поморского толка в Ветке и в деревнях Ветковского р-на: Дубовый Лог (теперь Добрушский р-н), Косицкая, Попсуевка, Тарасовка, Леонтьево, Борьба, а также Паричского (теперь Светлогорского) р-на: Заречье и Ново-Александровке.» [81, с. 230].

Во второй половине 1930-х гг. была начата компания репрессий в адрес старообрядческих священников и представителей общин. «Так, в 1937 г. был арестован настоятель гомельской Ильинской церкви о. Авдей. Вот, что сообщает о его аресте прихожанка Ильинской церкви Е.Т. Матвеева: «Воронок за ним приехал прямо к церкви в тот момент, когда в храме шло богослужение. Отче упробил работников НКВД закончить молебен. Ему позволили. Сразу же после окончания богослужения о. Авдея увезли. Дальнейшая его судьба не

известна» [81, с. 234]. В целом Р.М. Рогинский приходит к выводу, что советская антирелигиозная политика при помощи репрессивных методов к 1940 г. смогла полностью закрыть все действующие старообрядческие храмы и молельни по всей Гомельской и Мозырской областям. Дальнейшая религиозная деятельность старообрядческих общин в централизованном виде была невозможна.

На территории Урала репрессии в адрес старообрядческих общин были вызваны в первую очередь негативным отношением старообрядцев к коллективизации. Они открыто не принимали коллективизацию, и, с точки зрения советского руководства, «способствовали росту революционных настроений в крестьянской среде». Следует отметить, что старообрядцы зачастую действительно имели значительный авторитет в сельской общине. В качестве примера «противодействия» старообрядцев коллективизации мы приведём в пример действия Василия Белосудцева, старообрядца одной из деревень уральской деревни, расположенной на реке Икса. В 1932 г. он «свою вошедшую в колхоз дочь сагитировал выйти из последнего, после этого среди всех колхозников были разговоры, что если святые таежники так говорят, то, следовательно, нужно выходить из колхоза». [95] Следом за этим, в 1933 году ОГПУ был проведён рейд в таёжный монастырь, за которым следовали аресты и разгром старообрядческого поселения.

В старообрядческой среде изначальная настройка на положительные отношения к советской власти сложившаяся в 1920-е гг. окончательно разрушилась. Теперь старообрядческое население сходилось в мысли, что «колхозы через коммунистов создавал сам антихрист»

В исторических исследованиях различных территорий Советского Союза мы можем найти упоминания о массовых бегствах Старообрядцев в необжитые территории, где их находили случайным образом – к примеру: «достаточно крупная сеть заимочных поселений в междуречье Чичкаюла и Улююла была случайно обнаружена прорабом, изучающим территории, где в будущем предполагалась прокладка Обь-Енисейской железной дороги [95, с. 47],

Политика переплавки колоколов не оказала значительного эффекта на старообрядцев, в отличии от представителей доминирующих религий. Массовая коллективизация 1930-х гг. стала основным «камнем преткновения» между старообрядческими общинами и советской властью. Т.к. община представляет собой замкнутую конфессионально-этническую группу разрешение общины (что и происходило во время коллективизации) фактически означало полное, кардинальное разрешение основы существования старообрядцев. Именно этот факт вызывал столь серьёзное сопротивление т.к. грозил уничтожением старообрядческой культуры как таковой, этим в

значительной мере отличалось проведение коллективизации в старообрядческой общине в отличие от иных религиозных групп в Советском Союзе.

Таким образом, мы можем наблюдать значительное изменение положения старообрядческих общин по всему Советскому Союзу. На территории Урала и Сибири документально зафиксированы акции самосожжения и уходы старообрядческих общин в незаселённые районы страны, а так же аресты и переселение старообрядцев. В старообрядческой среде были сборы старообрядцев, которые на Урале и в Сибири имели большое значение для проведения религиозных обрядов. До 1930-х гг. у старообрядцев данное право не отнималось. Исследователями было зафиксировано общее изменение отношения старообрядческого населения к советскому руководству с нейтрального и положительного (которое наблюдалось во многих общинах) на сугубо негативное. На территории Беларуси все возможности для реальной и официальной религиозной деятельности старообрядчества были запрещены, после закрытия всех основных молельных старообрядческих домов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) В исследованиях истории взаимоотношений религии и церкви 1920-1930х гг. в советское время можно выделить периоды, связанные с изменениями государственной политики. В 1920-1930х гг. исследователи активно освещали антирелигиозную деятельность, подчёркивая значимость политики и жёсткость её методов. Авторы-диссиденты сосредотачивали своё внимание на проблеме проведения и последствий политики для религиозного населения. В военное время ввиду сближения государства и церкви (о чём говорит в частности восстановление патриаршества) антирелигиозная работа временно приостанавливается, церковь выступает на стороне государства. После окончания войны и до начала 1970 гг. советские исследования чаще всего освещали достижения политики в области религии, исследования гонений на церковь и террора не проводятся. В работах следующего десятилетия прослеживается желание показать юридическую свободу религиозных групп. Период перестройки отмечается значительное изменение направлений исследований, активно начинают изучаться проблемы антирелигиозных действий советского государства в целом и в 1920-1930 гг. в частности. Для этого периода характерной чертой является расширение источниковой базы и уменьшение влияния государства на результат исследования.

В современных исторических работах, посвящённых антирелигиозной политике 1920-1930 гг. можно выделить 2 хронологических этапа. Этап 1917-1929 в основном содержит исследования становления антирелигиозной политики, её законодательной базы, форм и методов её проведения. Этап с 1929 г. по конец 1930-х гг. акцентирует своё внимание на усилении антирелигиозной политики, отдельно рассматривается изменение законодательства. Одним из важных аспектов внимания исследователей становится ликвидация культовых зданий.

В постсоветских белорусских исследованиях советской политики в области религии характерно широкое изучение особенностей проведения антирелигиозной политики в адрес различных религиозных групп, осуществлявших свою деятельность на территории Беларуси. Достаточно подробно рассмотрена политика в отношении доминирующих религий (православия, католицизма), в меньшей степени изучена политика в адрес малых религиозных групп (в частности старообрядческих общин).

В основе современных русскоязычных исследований антирелигиозной политики 1920-1930х гг. в адрес старообрядческих общин всегда лежит краевой компонент. На данный момент отсутствуют исторические исследования,

охватывающие особенности антирелигиозной политики в адрес старообрядцев на всей территории СССР.

2) В советской политике в области религии 1920-х–1930-х гг. нами было выделено 3 этапа: Первый этап – 1917-1922 гг., этап становления антирелигиозной политики. Отправной точкой является установление власти большевиков, издание декрета «о земле» и издания «декларации прав народов России». В этот период происходит создание советского законодательства области религии, осуществляется законодательное отделение церкви от государства, образование становится государственной прерогативой. Закрепляются антирелигиозных позиций в конституции 1918г. В данный период в государстве отсутствует единая антирелигиозная политика, не смотря на то, что на законодательном уровне данное направление обладает чёткими рамками. Отдельно, на данном этапе рассматриваются действия Л.Д. Троцкого в области религии, который внёс значительный вклад в проведение политики изъятия церковных ценностей, а так же политики разрушения мощей. Именно по инициативе Троцкого проводятся все репрессивные действия на раннем этапе становления советского государства. В.И. Ленин выступал в противоположном направлении, однако прямой конфронтации в вопросах антирелигиозной политики не существовало, что подчёркивает несистемный характер политики на первом этапе, а так же значительное влияние отдельных представителей партии. Окончанием периода является свёртывание политики изъятия церковных ценностей и объявление новой экономической политики в области религии.

Второй этап связан с проведением НЭПа, допустимо сказать, что «религиозный НЭП» является продолжением экономического. Хронологические рамки данного этапа – с 1923 г. по 1929 г. Отличительной особенностью данного периода является смягчение антирелигиозной политики, попытки взаимодействия между государством и религиозными группами. Важным отличием является кардинальная смена методов работы. Мнение о том, что во время религиозного НЭПа государство сменило своё отношение к религии ошибочно, политика государства в данный период не изменилась, законодательная структура осталась прежней. Религиозный нэп являлся лишь этапом временного ослабления методов борьбы, периодом, в который вырабатывалась единая антирелигиозная политика, осуществлённая в 1930-х гг. «Религиозный нэп» как и НЭП стандартный был окончен с моментом объявления 1929 года «годом великого перелома».

С 1929 года советским государством начат новый этап антирелигиозной политики. Для данного этапа характерно в первую очередь законодательное ограничение возможности для вероисповедания. Часть граждан исключительно

по религиозному признаку была лишена части гражданских прав (пенсии у религиозных деятелей), так же, на законодательном уровне религиозным общинам (в том числе и отдельным их представителям) запрещалось любое участие в производственном процессе, в том числе и необходимых для религиозных служб элементов. Для священнослужителей и членов религиозных общин была определена территория, за пределы которой они не могли выходить во время религиозной деятельности. Так же государство получило право отказывать в регистрации религиозным объединениям в целом или же отдельным людям в их составе. Данное положение не было ограничено конкретными законодательными рамками и по факту находилось на свободном рассмотрении у местных органов. Именно в данный период местные органы власти получили разрешение на свободное уничтожение церковных зданий, тогда как в более ранний период подобные поставленные могли дать исключительно центральные власти. Так же в данный период в исследовательской литературе обозначены гонения на представителей старообрядческих общин, которые на предыдущих этапах не было выделены по всей территории СССР. Из всех вышеназванных пунктов следует, что в данный период антирелигиозная борьба достигает наибольшей силы, антирелигиозная агитация (как основной метод времён религиозного НЭПа) уходит с политической арены, на передний план выходят репрессивные методы борьбы с религией.

3) Проведение антирелигиозной политики в адрес старообрядческих общин в 1920-е.–1930е. гг. значительно отличалось от аналогичных действий в адрес последователей доминирующих религий. В первую очередь мы можем выделить большую законодательную свободу для последователей старообрядчества в период с момента становления советской власти до окончания «религиозного НЭПа». В адрес старообрядцев проводилась иная агитационная политика, прежде всего ввиду особенностей формирования старообрядческих общин как этно-религиозных групп. Из-а подобной замкнутости на первых этапах советской антирелигиозной политики значительные усилия прилагались для получения самой возможности вести пропагандистскую работу, изначально направленную исключительно на определённые группы внутри общины (молодых женщин, детей, безработных и т.д.), а не на преобладающую мужскую часть общины. Также в антирелигиозной пропаганде использовались разногласия старообрядцев с официальной православной церковью.

Перед пропагандой в старообрядческой среде важной целью ставилось разрушение общины. Ввиду большого опыта сопротивления централизованному государственному давлению были выбраны

ненасильственные методы работы. Наибольшее внимание при агитационной работе в старообрядческих общинах уделялось введению старообрядцев в общенародные государственные праздники и т.д., т.е. введение старообрядцев в общественную жизнь государства.

Старообрядцев фактически не коснулась политика изъятия церковных ценностей, компания по ликвидации мощей. В меньшей степени старообрядческие общины были затронуты репрессиями Троцкого, во время его нахождения на посту наркома по военным делам. Многие элементы советского антирелигиозного законодательства не распространялись на старообрядческие общины до 1929 г. Так, к примеру, официально разрешено было паломничество и проведение старообрядческих «сходов».

После 1929 года разница в проведении антирелигиозной политики между старообрядческими общинами и иными религиозными группами нивелируется. На старообрядцев распространяется деятельность всего советского антирелигиозного законодательства, происходит массовое закрытие молельных домов, наблюдаются репрессии аналогичные проводимым в адрес последователей доминирующей религии.

4) На первом этапе антирелигиозной деятельности советского государства мы наблюдаем положительные результаты взаимодействий государства и старообрядческих общин. Старообрядцы не противятся агитационной деятельности, принимают участие (хоть и достаточно ограничено) в мероприятиях, проводимых советской властью, идут на определённый контакт со «слугами антихриста». В исторической литературе нет сведений о сопротивлении старообрядческих общин действиям советской власти на данном этапе. Происходит постепенная интеграция представителей общин в жизнь советского общества. Однако мы не можем сказать, что на первом этапе государство смогло добиться реального сближения со старообрядцами. Проводимые советским руководством антирелигиозные компании 1920-х гг. не оказали негативного воздействия на отношения со старообрядцами, т.к. последних практически не коснулись.

На втором этапе из отличительных черт советско-старообрядческих отношений мы можем выделить значительно возросшую активность советской агитационной деятельности. Мы можем отметить возрастающее число партийных ячеек возникающих в общинах, увеличение количества проводимых мероприятий. В данный период не может быть выделена однозначная оценка результативности антирелигиозной политики в старообрядческой среде. В некоторой степени прослеживается сближение старообрядцев с советским обществом, однако, факты участия старообрядцев в мероприятиях проводимых

советской властью (праздниках, собраниях и т.д.) носят единичный характер, выявить в них системность не представляется возможным.

Третий этап разрушает сформированные отношения между старообрядческими общинами и советским руководством. После объявления Сталиным «Года великого перелома» и публикации циркуляра «О мерах по усилению антирелигиозной работы» в адрес старообрядческих общин были применены все принятые на тот момент антирелигиозные действия. Если изначально советская власть поступательно осуществляла разрушение старообрядческой общины путём агитационной деятельности, то в 1930-е гг. к ним были применены репрессивные меры. Политика закрытия церквей нанесла старообрядчеству не столь значимый урон, как доминирующей православной церкви. Наибольший ущерб старообрядцы понесли от проводимой коллективизации, т.е. общинность, наряду с верой, являлось столпом их существования. Антирелигиозные действия репрессивного характера нанесли значительный урон старообрядческим общинам. Многие общины уходили в неосвоенные территории, а так же предпринимали попытки переселения за границу СССР опасаясь преследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев – М. Политиздат, 1991. – 398 с.
2. Андреев (Андреевский), И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней./ И. М. Андреев – Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь. – 1952. – 182 с.
3. Покровский, Н. Н. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922-1925 гг. в 2 кн. / Н.Н.Покровский, С.Г.Петров – М.: РОССПЕН, 1997. – кн. 1 – 547 с.
4. Барменков, А. И. Свобода совести в СССР / А. И. Барменков – М.: Мысль, 1979. – 223 с.
5. Батченко, В.С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929-1931 гг. (на материалах западной области): дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.С. Батченко – Смоленск, 2016. – 259 с.
6. Белов, А. В. Религия в СССР и буржуазные фальсификаторы / А. В. Белов – М. : «Знание». 1970. – 32 с.
7. Бендин, А.Ю. «Старообрядцы и российская веротерпимость в XIX начале XX в.» / А.Ю. Бендин. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной научной конференции. 11-13 ноября 2014 г. М.: «Москва» – С. 147-160
8. Бонч-Бруевич, В. Д. На заре революционной пролетарской борьбы. / В.Д. Бонч-Бруевич – М.: Федерация, 1932. – 166 с.
9. Бунин, А.Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х гг. [электронный ресурс] / А. Ю. Бунин // Научные ведомости белгородского государственного университета. серия: история. Политология – 2012. – № 19 – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20678821>– Дата доступа: 03.05.2018
10. Вабішчэвіч, А. Духоўнае жыццё ва ўмовах паланізацыі / А. Вабішчэвіч // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – С. 423–448.
11. Вабішчэвіч, А. М. Грамадскакультурная і рэлігійнаасветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднакаў у Польшчы ў 1920–1930я гады / А. М. Вабішчэвіч // Вестн. Полоц. гос. унта. Сер. А, Гуманит. науки. – 2008. – № 1. – С. 101–108.
12. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальнакультурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): аўтарэф. дыс. ... драгіст. навук: 07.00.02 / А. М. Вабішчэвіч; БДУ. – Мінск, 2010. – 52 с.
13. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917-1927 гг. /О. Ю. Васильева// Вопросы истории– 1993. – № 8. – С. 40-54

14. Введенский, А. И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918-1922 г.) / А.И. Введенский – М. Мосполиграф", 20-я типография "Красный пролетарий". 1923. – 258 с.
15. Веремеев, С. Ф. Старообрядчество в Беларуси в 20–30-е гг. XX в.: отечественная историография проблемы/ С. Ф. Веремеев // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: М. А. Можейко (гл. ред.), С. В. Донских, С. Л. Вилейко. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 358 с.
16. Веремеев, С. Ф. Постсоветская белорусская историография истории христианских конфессий в Беларуси в 20-30-е гг. XX в. / С. Ф. Веремеев // Научные труды РИВШ. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. Ч.1/ под ред. проф. В.Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2014. – С. 58–67.
17. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях / А. А. Горбацкий. – Брест: БрГУ, 2004. – 237 с.
18. Гордеева, О. Б. Старообрядцы Забайкалья в 1930-е гг. [электронный ресурс] // Вестник ИрГТУ.– 2014. – №7 – РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://cyberleninka.ru/article/n/staroobryadtsy-zabaykalya-v-1930-e-gg> – Дата доступа: 17.05.2018
19. Горянова, Д.А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917-1929 гг.) // Вестник КИГИ РАН. – 2016. – №2. – РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sovetskim-gosudarstvom-pravovoy-bazy-antireligioznoy-politiki-1917-1929-gg> – Дата доступа 17.04.2018
20. Граббе, Г. Правда о русской церкви на родине и за рубежом / Г. Граббе. — Джорданвилль: Изд. Свято-Троицкого монастыря, 1961. — 216 с.
21. Декларация прав народов России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_народов_России – Дата доступа – 20.02.2018.
22. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 Об отделении церкви от государства и школы от церкви [Электронный ресурс] // Викитека Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_об_отделении_церкви_от_государства_и_школы_от_церкви – дата доступа – 20.04.2018.
23. Довгяло, Н . В. Конфессиональная политика в Белорусской ССР в 1921–1939 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н . В. Довгяло. – Минск, 2016. – 24 с.
24. Довгяло, Н.В. Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 гг. / Н.В. Довгяло // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 77–82.

25. Довгяло, Н.В. Межконфессиональные отношения в БССР в 20-х гг. XX века / Н.В. Довгяло // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка.Права. – 2010. – № 1. – С. 11–17.
26. Дроздова, М. А. Советское государство и церковь в 1917-1927 гг. : (по материалам Северо-Запада России): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. А. Дроздова Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб, 2009. 25 с.
27. Елисеев, А. Б. Российская историография взаимоотношений Советского государства и русской православной церкви в 1943—1953 гг.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.09 / А. Б. Елисеев – Минск, 2010. - – 142 с.
28. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах / Сост. Г.М. Прохоров –М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. — 688 с
29. Зольникова Н. Д. Сибирские староверы и власть после революции: судьбы и дороги / Н.Д. Зольникова // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII-XX вв.: Бахрушинские чтения 1995 г. : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т ; редкол. В.И. Шишкин (отв. ред.) и др. Новосибирск, 1996. – С. 109-118.
30. Из циркулярного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [Электронный ресурс] / Альманах. Россия XX в. – Режим доступа <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110> – Дата доступа – 01.05.2018
31. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование: [В 2 т.]: Т. 1—2 / И. А. Ильин – М.: ТОО "Рарогъ", 1993. – 448 с.
32. Иоанн (Снычев). Церковные расколы в русской церкви 20-х и 30-х гг. XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история / митр. Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев). – Изд. 2 е. – Сортавала: Изд. Сортавальской книжной типографии, 1993. – 271 с.
33. Калинина, А. Христианские конфессии Советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления / А. Калинина // ГОСУДАРСТВО РЕЛИГИЯ ЦЕРКОВЬ – 2012. – № 3-4 – С. 181-203
34. Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х-30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы) / А. Н. Кашеваров – СПб: СПбГТУ, 1997. – 45 с.
35. Коголь, Т. Н. Русская Православная Церковь и государство, 1917-1927 гг.: На материалах Зап. Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Коголь Т. Н. – Томск, 1995. – 21 с.
36. Козлов, Ф. Н. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг. : по материалам Чувашии : автореф дис. ...

канд. ист. наук : 07.00.02 / Ф. Н. Козлов; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева – Саранск, 2009. – 21 с.

37. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) – 9-е изд. доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – 367 с.

38. Коник, В. В. Свобода совести и ее лжезащитники / В. В. Коник – М. : Мол. гвардия, 1986. – 175 с.

39. Константинов, Д. В. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР / В. Д. Константинов – Мюнхен, 1956 – 78 с.

40. Корзун, М.С. Русская православная церковь 1917-1945 годы. / М.С. Корзун – Минск, 1987. – 112 с.

41. Коровушкина-Пярт, И. П. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание / И. П. Коровушкина-Пярт // Проблемы истории России. — Екатеринбург : Волот, 2001. — Вып. 4: Евразийское пограничье. — С. 206-217.

42. Короткая, Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова; под ред. А. С. Майхровича, Т. П. Короткой; АН Беларуси, Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 117 с.

43. Космач, Г. А., Космач, Е. Н. Трагедия кумиров революции. Страницы политических биографий Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Л. Д. Троцкого / Г.А.Космач, Е.Н.Космач. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – 192 с.

44. Костров, А.В. Советская власть и старообрядцы байкальской Сибири в 1920-е гг. / А.В. Костров // Новый исторический вестник – №3, 2010. – С. 35-42

45. Костров, А.В. Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в условиях становления советского общества [Электронный ресурс] // Вестник ИрГТУ. – 2010. – №7 Режим доступа: – <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-starobryadchestva-baykalskoy-sibiri-v-usloviyah-stanovleniya-sovetskogo-obschestva> – дата доступа: 05.04.2018

46. Крапивин, М. Ю. Внутри конфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности, (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин, А. Г. Далгатова, Ю. Н. Макаров – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – 622 с.

47. Кривелев И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века / Кривелев И.А – М. : Знание, 1982. – 64 с.

48. Куприянова И.В. Старообрядческие общины алтая в отношениях с государством автореф. дис. канд.ист.наук: 07.00.02 / И.В. Куприянова Институт истории ОИИФФ СО РАН – Новосибирск, 2005. – 20 с.

49. Куприянова, И. В. Ликвидация старообрядческих общин Алтая в конце 1920-х – середине 1930-х гг. [Электронный ресурс] / И.В. Куприянова // Мир

- науки, культуры, образования – 2012 – №5. – Режим доступа <http://elibrary.ru/item.asp?id=18095959> – Дата доступа: 02.05.2018
50. Куроедов, В. А. Религия и закон / В. А. Куроедов – М. : Знание, 1970 – 61 с.
51. Куроедов, В. А. Религия и церковь в Советском государстве / В. А. Куроедов – М. : Политиздат, 1982 – 263 с.
52. Лебедев, А. Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919-1929 гг.) : автореф. дис ... канд.ист.наук.: 07.00.02 / А. Д. Лебедев; Белорус. гос. ун-т.– Минск, 2011. 26 с.
53. Лебедев, А.Д. Советские органы власти и старообрядческое население Гомельщины (вторая половина 1940-1960-е гг.)/ А.Д. Лебедев // Известия ГГУ им. Ф.Скорины. 2015. № 4. С. 49-52.
54. Лебедева, В.Д. Антирелигиозная политика государства в 1917 - конце 1930-х гг. (на примере Пензенского края) [Электронный ресурс] / В. Д. Лебедева // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс – 2013. – № 8 – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19070791> – Дата доступа: 04.05.2018
55. Лебедева, Д. В. Законодательные основы антирелигиозной политики советской России в 1929–1940-х гг. [Электронный ресурс] / Д. В. Лебедева // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс 2014. – № 2. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21494380> – Дата доступа: 02.05.2018
56. Левитин-Краснов А. Э. Очерки по истории русской церковной смуты / Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. ; Предисл., примеч. И.В.Соловьева. — Крутицкое Патриаршее подворье — М. ; Kusunacht : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. — 672 с.
57. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [в 55 томах] / В. И. Ленин. - Изд. 5-е – М.: Издательство политической литературы – 1969. – т. 38 — 580 с.
58. Лисавцев, Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Э. И. Лиавец – М. : Мысль, 1975. – 316 с.
59. Луначарский, А. В. Религия и просвещение / А.В. Луначарский – М.: Советская Россия, 1985 – 544 с.
60. Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК ГПУ ОГПУ НКВД СССР (окт. 1917-го конец 1930-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук 07.00.02 / Ю. Н. Макаров; Санкт-Петербургский. гос. ун-т. – СПб, 2007. – 48 с.
61. Мезенцев, Р.В. Антирелигиозная политика органов государственной власти на Алтае в 1930 1934 гг. [Электронный ресурс] / Р. В. Мезенцев // Мир Евразии – 2015. – № 4. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25201504> – Дата доступа: 02.05.2018

62. Навіцкі, У . І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30я гг. ХХ ст. / У . І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – ХХ ст.) – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – С. 155–234.
63. Навіцкі, У. Барацьба з рэлігіяй / У . І. Навіцкі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – С. 249–260;
64. Неживых А. Н. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири) : монография / Н. А. Неживых. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. – 160 с.
65. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 400 с.
66. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства – М., Политиздат – 1977 – 144с.
67. О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апреля 1929 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т. 2: 1929-1939, Москва, 1959. –29-45 С.
68. Одинцов, М.И. Государство и церковь : (История взаимоотношений, 1917-1938 гг.) / М.И. Одинцов – М. : Знание, 1991. – 64 с.
69. Пасталоўскі С.А. Рэлігійнае жыццё стараверскага насельніцтва ў БССР у 1920-я гг. / С. А. Пасталоўскі // Молодежь в науке — 2007 : приложение к журналу "Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі" : [материалы международной научной конференции молодых ученых, г. Минск, 23—26 октября 2007 г.] : в 4 ч. — Минск, 2008. — Ч. 2 : Серия гуманитарных наук. — С. 227—230
70. Пасталоўскі, С.А. Паўсядзённае жыццё старавераў у Беларусі ў 1920—1930-я гады / С. А. Пасталоўскі // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. — 2007. — № 4. — С. 51—56
71. Польский, М. Новые мученики российские / М. Польских – Минск: «Харвест» 2005 – 368 с.
72. Посталовский, С. А. Старообрядцы и власть на Гомельщине в 20–30е годы ХХ века: формы и методы взаимодействия / С. А. Посталовский // Творчество молодых – 2002: сб. науч. работ студентов и аспирантов УО «ГГУ им. Ф. Скорины». – Гомель, 2002. – С. 151–152.
73. Посталовский, С. А. Старообрядцы как этноконфессиональная группа на Гомельщине в 20-30 годы 20 века. / С. А. Посталовский // Старообрядчество как историко-культурный феномен: материалы междунаро. Науч.-практик. конф. – Гомель, 2003. – С. 233–235.

74. Посталовский, С. А. Старообрядческие религиозные общины на Витебщине в 20е годы / С. Посталовский // Актуальные проблемы истории прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы междунар. науч.-практ. конф. . – Витебск, 2007. – С. 439–440.
75. Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О ликвидации мощей. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР – М. 1943. – С. 504-506.
76. Протька, Т. С. Адносіны савецкай дзяржавы да Царквы (1917–1941 гг.) / Т. С. Протька // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі, Мінск, 25 верас. 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 58–59.
77. Протька, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протька. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
78. Разумов, Д. С. Антицерковная политика Советской власти 1921–1929 гг. : (По материалам Верх. Поволжья) : автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.С. Разумов; Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 1997. – 19 с.
79. Регельсон, Л. Л. Трагедия русской церкви. 1917 - 1945 / Л. Л. Регельсон — М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. — 632 с.
80. Рогинский, Р. М. Конфессиональная политика Советской власти в отношении старообрядцев Гомельщины в 1920е годы / Р. М. Рогинский // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы VIII междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2013 г. – Гомель, 2013. – С. 246–248.
81. Рогинский, Р.М. Старообрядчество Гомельщины и советская власть. 1920–1930-е годы (по архивным данным и устным источникам) /Р.М. Рогинский / Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы X Международной конференции, проходившей в Москве-Боровске 15-17 ноября 2011 г. – М.: Боровск, 2011. – Т.1. – С. 229–236.
82. Савинская, М. П. Отношение органов власти к старообрядческим общинам на Гомельщине в 20е годы XX века / М. П. Савинская, М. А. Алейникова // Старообрядчество как историко-культурный феномен: материалы междунар. науч. практ. конф. – Гомель, 2003. – С. 250–254.
83. Сермягина, Ю. В. Старообрядчество на Витебщине: традиции и новации в 20е годы XX в. / Ю. В. Сермягина // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 227–230.
84. Симоненков, К. В. Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х–1930-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник

- ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – №3. – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/staroobryadchestvo-kurskogo-kraya-v-usloviyah-sovetskoj-antireligioznoj-kampanii-1920-h-1930-h-gg> – Дата доступа: 01.05.2018
85. Стратонов, И. А. Русская церковная смута 1921–1931 гг. / И.А. Стратонов. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Круцицкое патриаршее подворье, 1995. – 245-401 с.
86. Стрелец, Н.Ю. Возникновение и деятельность союза воинствующих безбожников в 1920–1940 годы в оренбургской области [Электронный ресурс] / Н.Ю. Стрелец // Вестник ОГУ №7 2012 – Режим доступа http://vestnik.osu.ru/2012_7/27.pdf – Дата доступа 29.04.2018
87. Струве, П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве – М. : Республика, 1997 - 527 с.
88. Тигрилова, Л. Б. Изъятие церковных ценностей в полоцком уезде (1922г.) в контексте конфессиональной политики советской власти / Л. Б. Тигрилова // Религия и общество – 2016. – Режим доступа – <https://elibrary.ru/item.asp?id=26257512> – Дата доступа – 01.04.2018
89. Титлинов В.Б. Церковь во время революции – В.Б. Титлинов – Пг. : Былое, 1924 – 192 с.
90. Троцкий, Л.Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий – М. : Гос. изд-во, 1924. – 422 с.
91. Фиолетов, Н. Н. Очерки христианской апологетики / Н. Н. Фиолетов – М.: Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1992 – 192 с
92. Холина, М. В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920-1930-е гг.) [Электронный ресурс] / М. В. Холина // Новый исторический вестник – 2009. – № 21. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13090694> – Дата доступа: 05.05.2018
93. Худобородов, А Л, Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) / А. Л. Худобородов, М. А. Яшина // Вестник ЮУрГУ –. 2011.– №30 (247) – С. 61-65
94. Черкасов А.А. Устав Союза безбожников СССР / А.А. Черкасов / [Электронный ресурс] – режим доступа http://ejournal16.com/journals_n/1415529994.pdf – дата доступа 30.04.2018
95. Шигапов, С.Р. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920-1930-е гг. (на материалах Томского уезда) / С.Р. Шигапов // Вестн. Том. гос. ун-та. История . 2016. №3 – С. 44-49
96. Щапов, Я.Н. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917 - 1941. Документы и фотоматериалы / Я. Н. Щапов – М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. — 356 с.

97. Янушевич, И. И. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Беларуси в 1922 г. / И.И. Янушевич // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: Ю.Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 125–137.
98. Янушевич, И. И. Информационно-пропагандистское сопровождение антирелигиозной работы в советском государстве в 1919-1941 гг. (на примере БССР) / И. И. Янушевич // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2017. С. 124-130
99. Янушевич, И. И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви 1917–1927 гг.: на материалах Беларуси : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Янушевич ; Белорус. гос. ун т. – Минск, БГУ, 2001. – 20 с.
100. Янушевич, И.И «Безбожная" бухгалтерия в СССР (1925-1934) [Электронный ресурс] / И. И. Янушевич / Электронная библиотеке БГУ. – Режим доступа <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183675> – Дата доступа: 26.04.2018
101. Янушевич, И.И «Безбожная» статистика как элемент антирелигиозной пропаганды в советском государстве (1926-1941 гг.) [Электронный ресурс] / И. И. Янушевич / Электронная библиотеке БГУ. – Режим доступа <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188358> – Дата доступа: 26.04.2018
102. Янушевич, И.И Характер и причины форсированного решения «церковного вопроса» партийно-государственными структурами в 1917-1924 гг. [Электронный ресурс] / И. И. Янушевич / Электронная библиотеке БГУ. – Режим доступа <https://www.bsu.by/Cache/pdf/146213.pdf> – Дата доступа: 26.04.2018
103. Янушевич, И.И. Антирелигиозная пропаганда в БССР накануне «года великого перелома / И.И. Янушевич // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей / Минск : РИВШ – 2015. – С. 228-234
104. Ярмусик, Э.С. Католическая Церковь (в Западной Беларуси. 1920-1930 гг.) / Э.С. Ярмусик // Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 - 1953 гг. В 2 кн. Кн. 1 – Минск : Беларуская навука, 2014 – С.537-550.
105. Ярославский, Е. Как вести антирелигиозную пропаганду: Доклад, прочитанный 20-го апреля на 1-м всесоюзном съезде корреспондентов газ. "Безбожник", и О-ва Друзей газ. "Безбожник" / Е. Ярославский – М. : Изд-во Безбожник, тип. 4-я "Мосполиграф", 1925. – 96 с.
106. Ярославский, Е. Против религии и церкви / Е. Ярославский - Москва : ОГИЗ: ГАИЗ, 1935. – 6 т.